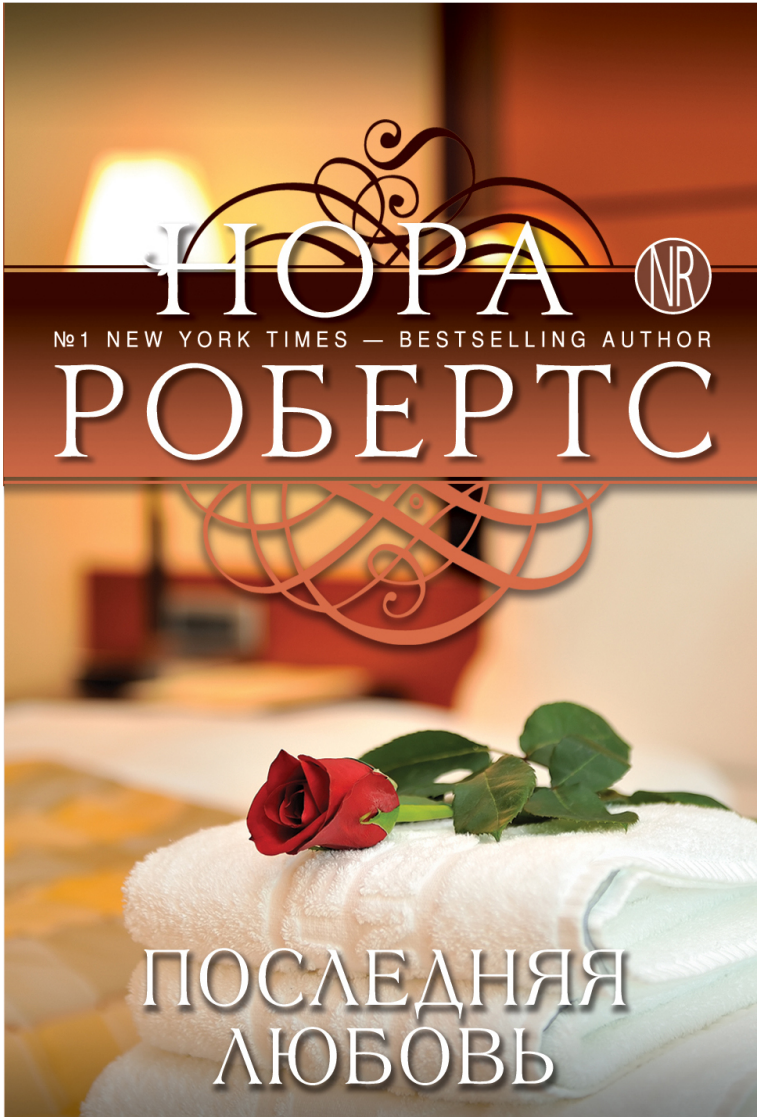
НОРА
№1 NEW YORK TIMES — BESTSELLING AUTHOR
РОБЕРТС
ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

Нора Робертс
Последняя любовь
Серия «Инн-Бунсборо», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113339
Последняя любовь / Нора Робертс: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-65887-9

Аннотация

Детская влюбленность не гарантирует ни верности, ни счастья. А если это чувство всерьез и на всю жизнь? Эйвери Мактавиш в шутку называет Оуэна Монтгомери своей первой любовью потому, что по уши влюбилась в него, когда ей было шесть лет. Тогда она сразу заявила, что они поженятся, и Оуэн охотно подарил «невесте» пластмассовое колечко из автомата с жевательной резинкой. С тех пор прошло немало лет, и удивлению Оуэна нет предела, когда он узнает, что его лучшая подруга Эйвери бережно хранит его подарок…

Содержание

1	6
2	29
3	51
4	73
5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Нора Робертс
Последняя любовь

Nora Roberts
INN BOONSBORO TRILOGY: THE LAST BOYFRIEND
Copyright © 2011 by Nora Roberts
This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

© Метлицкая И., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дэну и Шарлотте.

За доверие, что помогло вам протянуть друг другу руки.

За щедрость и всеохватность этого объятия.

За чувство юмора, которое освещает ваши жизни.

И за любовь, такую яркую и многогранную, что

все объединяет.

Любовь всегда прекрасна и желанна,
Особенно – когда она нежданна.
Уильям Шекспир «Двенадцатая ночь»

Сердце имеет доводы, которых не знает разум.
Блез Паскаль «Мысли»

1

Полная зимняя луна освещала старинную каменную кладку гостиницы на городской площади. Штакетник и новенькие навесы над дверями блестели в лучах лунного света, медная крыша ярко сияла. Старое и новое – а вместе с ними прошлое и настоящее – слились здесь воедино, образовав крепкий и счастливый союз.

Этой декабрьской ночью окна гостиницы оставались темными, прятали ее секреты за тенями, но всего через несколько недель они засияют, подобно другим окнам на Центральной улице в Бунсборо.

Оуэн Монтгомери на своем грузовичке ждал зеленого сигнала светофора у городской площади и разглядывал магазины и жилые дома центральной улицы, охваченные веселой предпраздничной суетой. Огни мигали и танцевали. Нарядная рождественская елка украшала большое окно квартиры на втором этаже справа. Временное жилище отражало стиль Хоуп Бомонт, управляющей гостиницей, – сдержанную изысканность.

На следующее Рождество гостиница «Инн-Бунсборо» тоже будет вся в ярких огнях и зелени. А Хоуп Бомонт поставит красивую елочку у окна своей новой квартиры на третьем этаже.

Взглянув налево, Оуэн увидел, что Эйвери Мактавиш,

владелица ресторана-пиццерии «Веста», уже украсила переднее крыльцо электрическими гирляндами. Наверху, в окнах ее квартиры, которая раньше принадлежала Бекетту, тоже виднелась рождественская елка. Сами окна были такими же темными, как окна гостиницы. Судя по движению в пиццерии, Эйвери еще работает.

Когда загорелся зеленый, Оуэн повернул направо на улицу Св. Павла, потом налево – на стоянку за гостиницей. Можно пойти в «Весту», посидеть там за пиццей и пивом до закрытия, а потом уже пройтись по отелю, посмотреть, что и как. Правда, особой необходимости в этом нет, но сегодня он здесь еще не был, занимался другими делами компании «Семейный подряд Монтгомери», встречался с разными людьми. А ждать до утра, чтобы взглянуть на то, что успели сделать братья и рабочие, не хочется.

В «Весте» еще толпился народ, хотя до закрытия оставалось не более получаса. Вряд ли Эйвери выставит его за дверь, подумал Оуэн, скорее, сядет с ним за стол и выпьет пива. Как ни заманчиво, лучше быстренько осмотреть гостиницу и вернуться домой. Завтра в семь утра нужно быть с инструментами на работе.

Доставая на ходу ключи, он выбрался из грузовичка на мороз. Высокий, как все братья Монтгомери, и поджарый, Оуэн прошел, втянув голову в воротник куртки, через вымощенный камнем внутренний двор к входу в фойе. Он предпочитал ключи с цветной маркировкой – привычка, которую

его братья считали проявлением занудства, а сам он находил весьма полезной. Через несколько секунд он уже вошел в здание, включил свет и замер, улыбаясь, как идиот.

Орнамент в виде ковра, выложенный из декоративной плитки, подчеркивал пространство пола и добавлял нотку очарования неброско окрашенным стенам с деревянными панелями кремового цвета. Бекетт был прав, предложив оставить торцевую кирпичную стену неоштукатуренной. И мама угадала с люстрой. Не замысловатая, но и не обыденная, она со своими бронзовыми ветвями и вытянутыми плафонами уместно смотрелась над ковром из плитки.

Оуэн взглянул направо, заметил, что туалеты с узорчатым кафелем и раковинами из камня с зелеными прожилками уже покрасили. Он вытащил записную книжку, отметил, что нужно добавить несколько последних штрихов, и шагнул в каменную арку слева.

Еще оголенная кирпичная кладка – да, Бекетт настоящий мастер. Полки прачечной в безупречном порядке, чувствуется рука Хоуп, которая усилием воли выставила Райдера из его временного пристанища и устроила все по своему вкусу.

Оуэн задержался у будущего кабинета Хоуп, заметил там следы пребывания братца: импровизированный письменный стол из ко́злов и брошенной на них доски, толстую белую папку – сборник технических норм и условий, инструменты, банки с краской. «Ничего, Хоуп скоро снова его выдворит», – решил Оуэн.

Он пошел дальше и остановился полюбоваться кухней. Там уже установили освещение: большую железную конструкцию над кухонным «островом», светильники поменьше – у окон. Деревянные шкафчики теплых цветов, светлые аксессуары и полированный гранит выгодно подчеркивали блестящую кухонную технику из нержавеющей стали.

Оуэн открыл холодильник, потянулся за пивом, но вспомнил, что ему еще предстоит сесть за руль. Достав банку «Пепси», отметил в блокноте, что нужно позвонить насчет жалюзи и штор – уже почти все готово.

Он подошел к стойке регистрации, оценивающе оглядел помещение и снова ухмыльнулся. Каминная полка, которую Райдер смастерил из толстой старой доски от сарая, хорошо смотрелась с кирпичной кладкой и глубокой открытой топкой. Сейчас вокруг валялись куски брезента, банки с краской и инструменты. Оуэн сделал еще несколько пометок и побрел назад, прошел через первую арку и, пересекая фойе, замер на мгновение у будущей гостиной, когда услышал шаги на втором этаже. Следующая арка вела в маленький коридорчик перед лестницей. Там Оуэн увидел Лютера, поглощенного работой над железными перилами.

– Ну ладно, все великолепно. Рай? Ты там, наверху?

Дверь сама по себе закрылась, заставив Оуэна вздрогнуть. Поднявшись на второй этаж, он прищурил спокойные голубые глаза. Братья охотно над ним подшучивали, и будь он проклят, если даст им очередной повод для смеха.

– О-ой! – протянул он в притворном ужасе. – Никак привидение… Боюсь-боюсь!

Дверь номера «Элизабет и Дарси» была закрыта, а дверь напротив, в номер «Оберон и Титания», наоборот, открыта[1].

«Очень смешно», – недовольно подумал Оуэн.

Он тихо подошел ближе, собираясь внезапно открыть дверь, войти и дать взбучку тому из братьев, кто решил позабавиться. Взялся за изогнутую ручку, осторожно опустил вниз и толкнул.

Дверь не подалась.

– Завязывай, придурок! – буркнул Оуэн, невольно усмехнувшись.

Наконец дверь распахнулась, а вместе с ней обе двери на террасу. В струе ледяного воздуха повеяло запахом жимолости, сладким как лето.

– О господи.

Он почти смирился с призраком, почти поверил в него. В конце концов, необъяснимое в отеле действительно случалось, да и Бекетт был искренне убежден, что привидение существует. Он считал, что это женщина, и даже назвал ее Элизабет – в честь облюбованного ею номера. Однако сам Оуэн столкнулся с ней впервые и сейчас застыл с отвисшей

---

[1] Отель «Инн-Бунсборо» существует на самом деле и принадлежит Норе Робертс. Номера в гостинице названы в честь знаменитых пар из литературных произведений – Элизабет и Дарси («Гордость и предубеждение» Д. Остин), Оберона и Титании («Сон в летнюю ночь» У. Шекспир) и т. д. *(Здесь и далее – прим. перевод.)*

челюстью, глядя, как дверь в ванную захлопнулась, потом распахнулась и снова закрылась.

– Ну, хорошо-хорошо. Извини, что помешал. Я просто…

Дверь опять захлопнулась, прямо перед лицом Оуэна, – он едва успел отскочить, чудом избежав удара по носу.

– Эй, хватит уже! Ты наверняка меня знаешь, я здесь почти каждый день бываю. Оуэн, брат Бекетта. Я пришел с миром.

Дверь хлопнула, и Оуэн поморщился от громкого звука.

– Полегче с имуществом, ладно? В чем дело? Я… А-а, кажется, понял.

Он откашлялся, стянул с головы шерстяную шапку, взъерошил обеими руками густые темно-каштановые волосы.

– Послушай, я обругал не тебя. Думал, что это Рай. Ты же знаешь моего второго братца, Райдера? Согласись, порой он и вправду ведет себя как придурок. А я стою в коридоре и объясняюсь с призраком.

Дверь слегка приотворилась. Оуэн осторожно ее открыл.

– Я только закрою двери на террасу.

От звука собственного голоса, гулко отозвавшегося в пустой комнате, Оуэну стало не по себе, но он засунул шапку в карман куртки, потом подошел к дальней двери и закрыл ее. Уже у второй двери он заметил, что в квартире над рестораном горит свет. У окна мелькнула тень Эйвери.

Сквозняк затих, аромат жимолости стал еще слаще.

– Я и раньше чувствовал твой запах, – пробормотал Оуэн, по-прежнему глядя на окна Эйвери. – Бекетт рассказывает, что ты предупредила его в ту ночь, когда этот козел – прости за выражение! – Сэм Фримонт приставал к Клэр. Так что спасибо. Они решили пожениться, Бек и Клэр, да ты, наверное, знаешь. Он почти всю свою жизнь ее любит.

Дверь в ванную теперь была открыта, и Оуэн увидел свое отражение в зеркале с изогнутой металлической рамой, которое висело над туалетным столиком.

Пришлось признать, что вид у него испуганный, а торчащие вихры довершают образ. Оуэн машинально пригладил волосы пятерней, пытаясь унять непослушную шевелюру.

– Вот, хожу по зданию, отмечаю, что еще нужно. Сейчас мы в основном все доделываем. Не здесь, конечно, этот номер уже готов. Думаю, ребята хотели закончить с ним в первую очередь. Не обижайтесь, но кое-кто из них слегка испугался. Ладно, я сейчас уйду. Увидимся… или не увидимся…

«В общем, как получится», – решил он и задом вышел из номера.

Минут тридцать Оуэн ходил из комнаты в комнату, с этажа на этаж, что-то записывал в блокноте. Несколько раз в воздухе чувствовался аромат жимолости, или открывалась дверь. По правде говоря, призрак вел себя вполне дружелюбно, однако Оуэн не стал бы отрицать, что испытал облегчение, заперев гостиницу на ночь.

* * *

Под ботинками хрустел иней, когда Оуэн за полчаса до рассвета вошел в гостиницу, балансируя лотком со стаканчиками кофе и коробкой пончиков. Пройдя сразу на кухню, он оставил там кофе, пончики и портфель, направился к стойке регистрации и включил газ в камине – поднять себе настроение. Радуясь теплу и свету, снял перчатки и засунул в карманы куртки.

Вернувшись на кухню, он достал из портфеля блокнот и стал в очередной раз просматривать план на день. Телефон на ремне запищал, напоминая, что подошло время утреннего собрания.

Оуэн уже съел половину глазированного пончика, когда услышал, как подъехал грузовичок Райдера. На братце была фирменная кепка их семейной компании, объемная, изрядно поношенная рабочая куртка, в хмуром взгляде читалось: «Срочно нужен кофе». Тупорылый, пес Райдера, протрусил за хозяином, втянул носом воздух и жадно уставился на вторую половинку пончика.

Райдер хмыкнул и потянулся за кофе.

– Это для Бека, – сообщил Оуэн, не глядя на брата. – Понятно по букве Б.

Райдер снова хмыкнул и взял высокий бумажный стаканчик с буквой Р. Сделал приличный глоток, заметил пончи-

ки и выбрал с джемом. Тэ-Эр – сокращенно от Тупорылый – завилял хвостом, и Райдер бросил ему кусочек.

– Бек опаздывает, – заметил Оуэн.

– Зачем встречаться ни свет ни заря?

Райдер откусил огромный кусок пончика, запил кофе. Он не успел побриться, лицо с резкими чертами заросло темной щетиной, но под действием кофеина и сахара зеленые с золотистыми искорками глаза прояснились, хмурая сонливость исчезла.

– Нас будут отвлекать, когда все соберутся. Вчера вечером я заезжал сюда, посмотрел, что и как. Вы неплохо поработали.

– Чертовски верно. Сегодня утром закончим всю мелочовку на третьем этаже. Нужно разобраться с карнизами и лампами, установить сушилки для полотенец в паре номеров на втором. Лютер доделывает поручни и перила.

– Видел. У меня тут кое-какие замечания.

– Да уж, не сомневаюсь.

– Наверное, будут еще, когда я закончу со вторым этажом и поднимусь на третий.

– Ну и зачем ждать?

Райдер взял второй пончик и направился к двери. Бросил, не глядя, кусок псу, трусившему следом. Тупорылый поймал угощение с ловкостью, достойной обладателя приза «Золотая перчатка».

– Бекетт еще не приехал.

– У него подруга и трое детей, – напомнил Райдер. – Им с утра в школу. Приедет, когда сможет, потом догонит.

– Внизу надо кое-где подкрасить, – начал Оуэн.

– Вижу.

– Я хочу, чтобы уже начали устанавливать жалюзи. Если сегодня закончим третий этаж, то в начале следующей недели можно будет повесить шторы.

– Хотя ребята все убрали, нужно навести лоск, и без управляющей гостиницей здесь не обойтись.

– Я скажу Хоуп. Еще я хочу договориться с окружными властями, чтобы нам разрешили завозить мебель и прочее барахло.

Райдер, прищурившись, посмотрел на Оуэна.

– У нас еще две недели, не считая праздников.

Однако брат, как всегда, уже подготовил план.

– Закончим полностью третий этаж, Рай, и двинемся вниз. Думаешь, мама и Кароли – не говоря уже о Хоуп! – не станут рыскать вокруг и скупать всякую дребедень даже после того, как мы все расставим?

– Само собой, станут. Будут путаться под ногами…

Они уже поднимались на третий этаж, когда внизу хлопнула дверь.

– Мы наверху! – крикнул Оуэн. – А кофе на кухне!

– Слава богу!

– Можно подумать, за кофе ходил бог, – проворчал Оуэн и погладил натертую до блеска овальную бронзовую таб-

личку с выгравированной надписью «Управляющий». – Элегантный штрих.

– В отеле их полно, – сказал Райдер.

Братья вошли в квартирку управляющей.

– Неплохо выглядит, – признал Оуэн, пройдясь по маленькой кухоньке, заглянув в ванную и осмотрев обе спальни. – Приятное и удобное местечко. Милое, но рациональное, совсем как наша управляющая.

– Придирчивая зануда, почти как ты.

– Полегче, братец. Не забудь, кто снабжает тебя пончиками.

При слове «пончики» Тэ-Эр энергично завилял всем телом.

– Хватит с тебя, приятель, – сказал Райдер, и пес, вздохнув, улегся на пол.

Оуэн посмотрел на Бекетта, поднимающегося по ступенькам. Чисто выбрит, выглядит вполне бодрым, разве что взгляд слегка затравленный, как, наверное, у всех мужчин, которым пришлось пережить утренний хаос, когда трое детей в возрасте до десяти лет собираются в школу.

Оуэн еще помнил собственные сборы в школу и удивлялся, что его родители не подсели на сильнодействующие успокоительные.

– Одна из собак заблевала кровать Мерфи, – объявил Бекетт.

– Отлично. Оуэн говорит о шторах и мебели.

Бекетт остановился, чтобы погладить Тупорылого по голове.

– Нам еще нужно навести порядок, кое-что подкрасить и доделать мелочовку.

– Только не на этом этаже. – Оуэн подошел к первому из двух люксов, «Пентхаусу». – Пора бы его обставить. А Хоуп уже может перебираться к себе. А что с номером «Уэстли и Баттеркап»?[2]

– Готов. Вчера повесили зеркало в ванной и светильники.

– Тогда я скажу Хоуп, пусть тащат швабры и отдраят здесь все до блеска.

Хотя Оуэн доверял Райдеру, все же решил сам проверить номер.

– У нее есть список, пусть сбегает в мебельный магазин «Баст» и закажет все необходимое.

Он сделал несколько пометок в блокноте – завезти полотенца и постельное белье, купить лампочки и тому подобное. Бекетт и Райдер обменялись взглядами за его спиной.

– Я думал, мы обставляем гостиницу.

– Не знаю, кто это «мы», – поправил Райдер, – но точно не я и не мои люди. Нам нужно закончить это чертово здание.

– Не ворчи на меня. – Бекетт шутливо поднял руки. – Надо внести изменения в проект булочной по соседству, если мы хотим перебросить туда людей без задержки.

---

[2] Герои романа «Принцесса-невеста» (1973), написанного американским писателем и сценаристом Уильямом Голдманом (William Goldman).

– А я бы задержался, чуток времени не помешает, – проворчал Райдер, однако пошел за Оуэном.

Оуэн остановился у номера «Элизабет и Дарси», внимательно осмотрел открытую и подпертую дверь.

– Бекетт, может, поговоришь со своей приятельницей Лиззи? Пусть эта дверь будет открыта, а двери на террасу закрыты.

– Все так и есть – открыта, закрыты.

– Это сейчас, а вчера вечером Лиззи слегка побуянила.

Бекетт удивленно поднял брови.

– Неужели?

– Я впервые встретился с ней лично. Обходил вечером гостиницу, услышал наверху шум. Подумал, что кто-то из вас меня разыгрывает, ну и выругался. А Лиззи обиделась. Дала понять, что ей это не нравится.

Бекетт широко улыбнулся.

– Да уж, характерец у нее тот еще!

– Рассказываешь! Думаю, мы помирились, но на всякий случай, если она еще сердится.

– Мы здесь уже все сделали, – вмешался Райдер. – В номере «Оберон и Титания» тоже. Нужно закончить с карнизами и плинтусами в номере «Ник и Нора»[3], кое-что доделать в номере «Ева и Рорк»[4] и повесить в ванной комнате

---

[3] Герои романа Дэшила Хэммета «Худой человек» («Thin man», 1932).

[4] Герои серии остросюжетных детективных романов «Следствие ведет Ева Далласс» Норы Робертс. В США эта серия называется «In Death» («В Смерти») и вы-

светильник – вчера его наконец привезли. В номере «Джейн и Рочестер» полно ящиков и коробок. Лампы, люстры, снова лампы, полки и бог знает что еще. Но все уберем.

Райдер постучал себя по голове, пес подошел к нему и уселся рядом.

– Видишь, у меня тоже есть список. Только я не записываю всякую ерунду в десятке разных мест.

– Крючки для купальных халатов, держатели для полотенец и туалетной бумаги… – начал перечислять Оуэн.

– Будут сегодня.

– Зеркала, телевизоры, щитки переключателей и лицевые панели для розеток, ограничители для дверей…

– Будут.

– У тебя записано, куда что устанавливать?

– Не нуди, тетушка.

– Еще потребуются указатели выхода. – Оуэн вошел в столовую, продолжая по списку. – Сюда повесьте бра. И еще шкафчики, которые мы сделали для огнетушителей, – покрасьте их и установите.

– Начнем, как только ты заткнешься.

– Буклеты, сайт, реклама, окончательная корректировка цен, специальные предложения, папки с информацией для каждого номера.

– Не мое дело.

– Точно. Считай, тебе повезло. Сколько потребуется вре-

ходит под псевдонимом J. D. Robb (Джей Ди Робб).

мени, чтобы закончить проект булочной?

Оуэн повернулся к Бекетту.

– Я собираюсь отвезти все чертежи в контору по выдаче разрешений завтра утром.

– Отлично. – Оуэн достал мобильник, переключил в режим «Календарь». – Давайте-ка зафиксируем. Я скажу Хоуп, что можно начинать бронирование на пятнадцатое января. Устроим шикарное открытие тринадцатого, останется еще день, чтобы убрать после приема. И все, считай, закончили.

– Это же меньше месяца! – возмутился Райдер.

– И ты, и мы с Беком знаем, что работы здесь недели на две, не больше. К Рождеству управишься. Если на этой неделе начнем обустраивать номера, то к первому января все сделаем, а сразу после праздников оформим страховку от перерыва деятельности предприятия. Останется две недели на всякую мелочовку и доработки. К тому времени и Хоуп сюда переберется.

– Я согласен с Оуэном, мы уже едем под гору, Рай, – заметил Бекетт.

Засунув руки в карманы, Райдер пожал плечами.

– Наверное, мне просто странно думать, что мы почти у финиша.

– Выше нос, – подбодрил Оуэн. – В таком месте, как это, всегда найдется работа.

Райдер кивнул. Задняя дверь открылась, потом закры-

лась, послышался топот тяжелых ботинок по кафельному полу.

– Ребята пришли. Берите инструменты и за дело.

* * *

Оуэн с удовольствием занялся карнизами. Время от времени приходилось отвлекаться – отвечать на звонки, отправлять сообщения или читать почту, но он не возражал. Для него телефон был таким же рабочим инструментом, как строительно-монтажный пистолет. В здании кипела бурная деятельность, гудели голоса, играло радио. Пахло краской, свежераспиленными досками и крепким кофе. Все вместе ассоциировалось с «Семейным подрядом Монтгомери» и напоминало об отце.

Всему, что Оуэн знал о плотничьем и строительном деле, его научил отец. И сейчас, спустившись со стремянки, Оуэн чувствовал, что отец бы ими гордился. Старое здание с выбитыми окнами, просевшими крылечками, обшарпанными стенами и покореженным полом они превратили в настоящее украшение городской площади. Оуэн подумал, что дальновидность Бекетта, мамино воображение и наметанный глаз, трудолюбие и мастерство Райдера, его собственное умение сосредоточиться на деталях, а также отличная команда воплотили рожденную за кухонным столом идею в реальность.

Он положил пистолет, размял плечи и оглядел комнату.

Да, мамин наметанный глаз… Поначалу Оуэн был не в восторге от предложенного ею сочетания шоколадно-коричневого потолка и бледно-голубых стен, но только до тех пор, пока не увидел номер «Ник и Нора» воочию. Шикарно, по-другому и не скажешь, а ванная комната – вообще квинтэссенция шика и утонченности. Та же цветовая гамма, дополненная синью стеклянной плитки на стенах и контрастирующая с коричневым на коричневом, все блестит и сияет в свете хрустальной люстры. Надо же, люстра в сортире, подумал Оуэн, качая головой. Но, черт возьми, впечатляет. Незаурядно и не похоже на обычный гостиничный номер, сразу видно – работа Жюстины Монтгомери.

Сигнал телефона напомнил, что пора сделать несколько звонков. Оуэн направился к выходящей на террасу задней двери, а Лютер занялся перилами. Стуча зубами, Оуэн пробежал под холодным пронизывающим ветром через крытую террасу, спустился на нулевой этаж и пошел к стойке регистрации.

– Ну и мороз! – буркнул он.

Радио гремело во всю мощь, молотки стучали; спокойно поговорить не удастся. Взяв куртку и портфель, Оуэн поспешил в фойе, где на полу сидел Бекетт и что-то мастерил.

– Я иду в «Весту».

– Еще нет десяти, там закрыто.

– Вот именно.

Выйдя на улицу, Оуэн остановился у светофора, ежась от

холода и ругая про себя машины, которые медленно ползли одна за другой и не давали перебежать дорогу. Выдыхая клубы пара, он дождался зеленого света, рванул по диагонали к ресторану и, не обращая внимания на табличку «Закрыто», постучал в стеклянную дверь.

Хотя внутри горел свет, никого не было видно. Оуэн вытащил мобильник и по памяти набрал номер Эйвери.

– Черт возьми, Оуэн, из-за тебя у меня весь телефон в тесте!

– Ага, ты уже здесь. Открывай скорей, пока я не заледенел.

Эйвери еще раз чертыхнулась и повесила трубку, но спустя несколько секунд Оуэн увидел ее в длинном белом фартуке поверх джинсов и черного свитера с закатанными по локоть рукавами. А ее волосы, какого они теперь цвета? Оуэн удивился, заметив, что они отливают начищенной медью, совсем как крыша их гостиницы.

Эйвери начала красить волосы несколько месяцев назад и перебрала почти все оттенки, кроме своего натурального цвета – огненно-рыжего, как у шотландской королевы-воительницы. Недавно она коротко подстриглась, хотя волосы уже немного отросли, и их можно было собрать в короткий хвостик, чтобы не мешали работать.

Открывая замок, Эйвери бросила на Оуэна недовольный взгляд голубых глаз, блестевших так же ярко, как волосы.

– Чего тебе нужно? – сурово спросила она. – Я готовлюсь к открытию.

– Немного пространства и тишины. Ты меня даже не заметишь. – Оуэн протиснулся внутрь, чтобы Эйвери не захлопнула дверь перед его носом. – Из-за шума в том здании через дорогу я не могу разговаривать по телефону, а мне нужно сделать несколько звонков.

Эйвери подозрительно прищурилась на его портфель. Оуэн обаятельно улыбнулся.

– Ну, ладно, мне нужно поработать с бумагами. Сяду за стойку и буду вести себя тихо-тихо.

– Хорошо, только не путайся под ногами.

– Э-э, маленькая просьба, пока ты не ушла. У тебя случайно нет кофе?

– Случайно нет. Я месила тесто, и оно теперь на моем новом мобильнике. Вчера я работала до самого закрытия, а в восемь утра позвонила Фрэнни, сказала, что заболела. Причем таким голосом, словно ее горло пропустили через мясорубку. Двое официантов слегли с простудой еще вчера, следовательно, сегодня мне опять придется вкалывать допоздна. Дейв не может выйти вечером – в четыре часа ему пломбируют канал, а в половине первого приезжает автобусная экскурсия.

Слова Эйвери звучали резко, как удары хлыста, и Оуэн только кивнул.

– В общем… – Девушка показала на длинную стойку. – Делай, что хочешь.

Она умчалась на кухню, только мелькнули ярко-зеленые

кроссовки. Оуэн предложил бы ей помощь, но Эйвери явно была не в настроении. Он знал ее как облупленную – почти всю жизнь! – и понял, что она торопится, нервничает и устала. Впрочем, Эйвери справится. Она всегда справлялась. Бойкая рыжеволосая малявка из его детства, бывшая девушка из школьной группы поддержки – они с Клэр, подругой Бекетта, на пару возглавляли команду черлидерш, – стала трудолюбивым ресторатором. И готовит потрясающую пиццу.

Эйвери оставила за собой легкий аромат лимона и заряд бодрости. Оуэн сел у стойки под стук и звяканье, которые доносились из кухни. Ему вдруг пришло в голову, что эти звуки умиротворяют и настраивают на рабочий лад. Он открыл портфель, вытащил айпад, блокнот и снял с пояса мобильник.

Оуэн звонил, посылал е-мейлы и сообщения, делал пометки в календаре, подсчитывал – с головой ушел в работу и отвлекся, только когда перед ним поставили стакан кофе.

– Спасибо. Не стоило беспокоиться, я буквально на минутку.

– Оуэн, ты сидишь здесь уже сорок минут.

– Правда? Не заметил. Хочешь, чтобы я ушел?

– Без разницы. – Эйвери устало потерла поясницу. – У меня все под контролем.

Теперь пахло по-другому, и Оуэн заметил, что Эйвери уже поставила на большую плиту кастрюльки с соусами. Да, ре-

шил он, может, рыжие волосы и молочно-белая кожа с россыпью веснушек и выдают шотландское происхождение Эйвери, но ее пицца «Маринара» такая же итальянская, как костюм от Армани.

Девушка присела на корточки у холодильника под стойкой и начала наполнять контейнеры с начинками для пиццы.

– Жаль, что Фрэнни не выйдет, – сказал Оуэн.

– Мне тоже. Ей на самом деле очень плохо. А Дейв мучается зубами. После обеда он заглянет на пару часов, но только потому, что у меня не хватает людей. Не хотелось его просить.

Пока Эйвери занималась делами, Оуэн изучал ее лицо и только теперь заметил синие круги под глазами.

– У тебя усталый вид.

Эйвери бросила на него уничтожающий взгляд над миской с оливками.

– Спасибо. Девушки обожают, когда им это говорят. – Она пожала плечами. – Я и вправду устала. Думала, что высплюсь утром – Фрэнни должна была открыть, а я бы подошла к половине первого. С тех пор как я сюда переехала, у меня почти не было свободного времени, вот я и посмотрела шоу Джимми Фэллона, потом закончила книгу, которую пыталась дочитать всю неделю. В общем, уснула в два часа ночи, а в восемь позвонила Фрэнни. Шесть часов сна не так уж мало, если не работаешь в две смены.

– Во всем есть свои плюсы. Зато хорошо идут дела.

– Подумаю о плюсах после автобусной экскурсии. Ладно, хватит обо мне. Как у вас с гостиницей?

– Прекрасно. Завтра собираемся обставлять третий этаж.

– Чем?

– Мебелью, Эйвери.

Она поставила миску и вытаращила глаза.

– Правда? Ты серьезно?

– Сегодня после обеда приедет инспектор, посмотрит и решит, давать разрешение или нет. Думаю, что разрешит, нет причин для отказа. Я только что говорил с Хоуп, она займется уборкой. Мои мама и тетя тоже придут помочь, а может, уже пришли, сейчас почти одиннадцать.

– Я бы поучаствовала, да не могу.

– Ничего страшного, у нас полно рабочих рук.

– Мои будут нелишними. Может, завтра, все зависит от болезней и зубных каналов. Господи, Оуэн, как здорово! – Эйвери пританцовывала от радости. – И ты целый час молчал?

– Тебе было некогда, и ты на меня ворчала.

– Выложил бы все сразу, я бы обрадовалась и не ворчала. Сам виноват.

– Может, присядешь на пару минут?

– Сегодня мне придется все время двигаться, как акуле.

Она со стуком опустила крышку, поставила миску на место и подошла к плите: проверить соусы.

Оуэн следил за тем, как она работает. Похоже, Эйвери

умудрялась делать полдюжины дел одновременно, как будто жонглировала мячиками, подхватывая отскочившие и вновь подкидывая их ввысь. Оуэну с его любовью к организованности и порядку это казалось удивительным.

– Мне пора возвращаться. Спасибо за кофе.

– Не за что. Если кто из ребят захочет здесь перекусить, пусть ждут до половины второго. Народу будет меньше.

– Хорошо.

Оуэн собрал свои вещи и пошел к выходу, но замер у самой двери.

– Слушай, Эйвери, а какой это цвет? Я имею в виду твои волосы.

– Ярко-медный.

Он ухмыльнулся и покачал головой:

– Я так и знал. Увидимся.

2

Оуэн застегнул пояс для инструментов и сверил свой список недоделок с Райдеровым.

– На третьем этаже полно женщин, – сообщил брат с оттенком горечи в голосе.

– Голых?

– Мама…

– Хорошо, давай об одетых.

– Мама, Кароли, управляющая гостиницей. Клэр, наверное, тоже там. Просто кишмя кишат, все время спускаются вниз и что-то спрашивают.

Райдер взял банку «Гаторейда» с кухонного «острова», заваленного чертежами и прочими бумагами, – он перебрался сюда после того, как Хоуп выставила его из своего будущего кабинета.

– Ты их позвал, тебе и отвечать на их дурацкие вопросы. И вообще, где тебя носило?

– Я же предупредил, что пойду к Эйвери – сделать пару звонков. Инспектор осмотрит третий этаж и скажет, можно ли обставлять номера. Я договорился насчет мебели для верхних номеров, будут расставлять завтра утром. С жалюзи тоже решили – начнут установку после обеда. Продолжить?

– У меня от тебя голова болит.

– Вот поэтому мне приходится звонить самому. В два часа

займусь окончательной отделкой.

– Третий этаж, братец. – Райдер ткнул Оуэна пальцем в грудь. – Женщины. И все в твоем распоряжении.

– Ладно-ладно.

Оуэну хотелось работать, включиться в ритм перфораторов, молотков и электродрелей. Однако он обошел гостиницу, проклиная холод, взбежал по ступенькам и оказался в царстве женщин.

Пахло духами, лосьоном и моющим средством с лимонной отдушкой. Звонкие женские голоса перекрывали доносящийся снизу шум. Мать была в «Пентхаусе» – стоя на коленях, отмывала пол в душевой кабине. Жюстина собрала свои темные волосы в узел и закатала рукава мешковатого серого джемпера. Она была в наушниках и ритмично двигала под музыку обтянутым джинсами задом.

Оуэн обошел стеклянную конструкцию, присел на корточки. Мать не вздрогнула от неожиданности: по ее собственным заверениям, она обладала еще одной парой глаз, на затылке, и Оуэн ей верил. Жюстина подняла голову, улыбнулась сыну и сняла наушники.

– До чего же классно! – сказала она.

– Ты готова к этому, мам?

– Конечно. Отдраим все до блеска, хотя, честно говоря, я забыла, что такое въевшаяся строительная грязь. Мы разделились. Кароли убирает в номере «Уэстли и Баттеркап», а Хоуп занимается своей квартирой. Клэр обещала прийти

помочь после обеда.

– Я только что вернулся из «Весты». Фрэнни заболела, а Эйвери ждет автобус с туристами. Она тоже хочет поучаствовать в уборке. – Оуэн бросил взгляд на ведро с мыльной водой. – Один бог знает почему.

– Такая работа приносит определенное удовлетворение. Ты только посмотри, Оуэн. – Жюстина перекололa пару шпилек и огляделась. – Посмотри, что вы с братьями сделали.

– Мы с нашей мамой, – поправил Оуэн, вызвав у нее улыбку.

– Ты прав, черт возьми. Раз уж ты здесь, вытащи из этой коробки полочки. Одна будет здесь, а другая – вон там, – показала она.

– Здесь будут полки?

– Да, когда ты их повесишь. А потом можешь позвать кого-нибудь из ребят, пусть помогут повесить зеркало в спальне. Скажешь, как будешь готов, я покажу, куда.

– Подожди, я запишу.

Значит, ему все-таки удастся поработать инструментами, подумал Оуэн. Может, и не так, как он привык – со списком, из которого вычеркивается все, что уже выполнено, – но все-таки удастся.

Повесив декоративные полочки, Оуэн позвал рабочего, чтобы тот помог ему занести большое настенное зеркало в узорчатой позолоченной раме. Жюстина стояла, подбоче-

нясь, и командовала:

– Чуть левее, чуть выше, нет, ниже…

Она вновь занялась уборкой, пока Оуэн отмечал, измерял и сверлил.

– Все готово! – крикнул он.

– Секундочку!

Мать с шумом выплеснула из ведра воду и, войдя в комнату, снова уперла руки в бока.

– Мне нравится!

Подойдя к Оуэну, она встала так, чтобы зеркало отражало их обоих, улыбнулась и обняла сына за талию.

– Отлично. Спасибо. Сходи, пожалуйста, за Хоуп. Она знает, что нужно поднять наверх. А мне предстоит отмыть еще целый акр кафеля.

– Я могу кого-нибудь нанять.

Жюстина покачала головой:

– Пока это семейное дело.

Оуэн шел через холл и думал, что, похоже, Хоуп Бомонт приняли в семью. Его мать сразу нашла с ней общий язык.

Бывшая королева красоты стояла на стремянке в кухне и полировала дверцы шкафчиков. Темные волосы закрывала бандана, из заднего кармана заляпанных белой краской и продранных на правом колене джинсов свисала тряпка.

Хоуп оглянулась и резко выдохнула, сдувая со лба колючую челку.

– Теперь выглядит гораздо чище.

– Строительная грязь въедается, – заметил Оуэн.

Стоит ли говорить, что скоблить и чистить придется еще много дней? Сама поймет, решил он и сказал:

– У вас неплохо получается.

– Это точно. – Хоуп присела на табурет, взяла со стола бутылку с водой и открутила крышечку. – Неужели завтра мы уже поднимем наверх мебель?

– Почему бы и нет?

Хоуп сделала глоток и улыбнулась. У нее был хрипловатый голос, который как нельзя лучше подходил к образу томной красавицы с большими темными глазами и чувственным ртом. Оуэн считал, что не помешает, если гостиницей будет управлять такая красотка, но гораздо больше ему импонировали организованность и сноровка Хоуп, которые могли бы соперничать с его собственными.

– У тебя есть свободная минутка? Мама сказала, что ты хочешь поднять кое-какие вещи на второй этаж.

– И на первый тоже, если сумеем туда их втиснуть. Чем больше коробок и ящиков мы освободим, тем легче будет убрать номера и занести мебель.

– Дельное замечание, – кивнул Оуэн, отметив, что эта женщина говорит с ним на одном языке. – Что тебе здесь сделать?

– Повесить несколько полок.

Похоже, сегодня день полок…

– Хорошо.

– Буду очень признательна. Они в другой квартире, позже принесу.

– Я могу кого-нибудь послать.

– Да, если найдется не слишком занятый человек. Но сначала нужно разобраться с делами на месте. Я приготовила все, что Жюстина хочет повесить в номере «Джейн и Рочестер».

«Мы одинаково мыслим», – мелькнуло у Оуэна.

– Принести тебе пальто? – спросил он, когда Хоуп поднялась со стула.

– Обойдусь, идти-то всего ничего.

Тем не менее она опустила закатанные рукава джемпера.

– Утром я разговаривала с Эйвери, – сообщила Хоуп, когда они с Оуэном шли к заднему выходу. – Она совсем замоталась из-за нехватки персонала. Я надеялась, что смогу ей сегодня помочь, но, похоже, мы проведем здесь весь вечер.

На улице Хоуп придержала рукой бандану, чтобы ее не сорвал ветер.

– Готова поспорить, что Эйвери замучают заказами на дом. Кому захочется выходить в такой холод?

Хоуп протиснулась в номер «Джейн и Рочестер», потерла руки.

– Можно заняться номером «Уэстли и Баттеркап». Или, раз уж мы здесь, начнем отсюда, будем двигаться назад, ко второму этажу. Сюда нужны полки в ванную и зеркало. – Она постучала по аккуратно подписанной коробке. – А вот и зер-

кало.

Она перечислила и показала аксессуары для всех номеров до первого этажа включительно.

– Да, тут есть чем заняться, – сказал Оуэн. – Давай начнем прямо отсюда.

– Отлично. Я покажу, что куда вешать, а потом не буду путаться у тебя под ногами. Если возникнут вопросы, пошлешь кого-нибудь за мной наверх.

Хоуп вытащила из кармана складной нож и вскрыла коробку.

– Мне нравятся женщины, у которых всегда найдется нож.

– С тех пор, как я сюда переехала, мой запас инструментов изрядно пополнился. Я даже хотела купить перфоратор, но потом поняла, что это уже слишком. – Она вытащила две резные медные полочки. – Пришлось компенсировать офисными принадлежностями. Как насчет новых папок и разноцветных стикеров?

– Я-то не против.

Они весело болтали, пока Хоуп показывала высоту и место, а Оуэн замерял, ровнял и сверлил.

– Превосходно. Посмотри, как старое золото рамы сочетается с медью ванной, кафелем и полочками. Жюстина будет в восторге. – Обойдя ванную, Хоуп направилась в спальню. – Ужасно хочу поскорее обставить эту комнату! Все комнаты! Думаю, что благодаря камину и роскошной кровати этот номер станет одним из самых популярных.

Она вытащила из кармана записную книжку, проверила предметы по списку, сделала несколько пометок и сунула книжку обратно. Оуэн ухмыльнулся.

– Хорошо, что кто-то меня понимает!

– Записи значительно облегчают дальнейшую работу.

– И снова согласен.

Они вместе собрали пустые коробки и вынесли на террасу.

Хоуп хотела войти в номер «Ева и Рорк» и едва не налетела на Райдера.

– Мама просит повесить люстру. Где она, черт возьми?

– У меня в руках, – сказал Оуэн.

– Тогда ты и вешай.

– Что я и собирался сделать. Хоуп оставила вещи в своей старой квартире. Может, сходишь за ними?

– Сама потом принесу, – вмешалась Хоуп.

– Какие вещи и где они конкретно?

– Настенные полки для ванной и гостиной. Лежат в подписанных коробках в кладовке. Вернее, во второй спальне. Я использую ее как кладовку.

– Я принесу.

Райдер хотел было уйти, но Хоуп его остановила.

– Тебе понадобится ключ, – сказала она, достала ключ из переднего кармана и вручила Райдеру.

Райдер сунул ключ в карман.

– В этих коробках есть дверные вешалки?

– В некоторых, – ответил Оуэн.

– Ради бога, достань. Не хочу больше о них слышать. Где вешалка для номера, оборудованного для инвалидов?

У Хоуп затекли руки, и она поставила коробки на пол.

– В номере «Джейн и Рочестер» возле стены, выходящей на улицу Св. Павла, в коробке с надписью «Вешалка для одежды, «Маргарита и Перси»[5]. Если ты ее возьмешь, то, может, захочешь забрать сразу и полочки для ванной, они в двух коробках с надписью «Полки для ванной, «Маргарита и Перси». Только не вешай их без меня или Жюстины. И еще, возле раковины мы хотим повесить маленькую угловую полочку.

Хоуп вытащила записную книжку, пролистала.

– Вот примерные замеры.

Райдер подозрительно прищурил глаза.

– Это еще зачем?

– Затем, что, принимая во внимание планировку номера и Закон об американцах с инвалидностью, там нет места даже для зубной щетки. А теперь будет.

– Дай сюда чертову бумажку.

Хоуп вырвала листок из блокнота.

– Если ты слишком занят, этим мог бы заняться Оуэн, Бекетт или кто-нибудь из рабочих.

Райдер молча сунул листок в карман и вышел.

---

[5] Герои приключенческого романа «Алый первоцвет» (1905), написанного баронессой Эммой Орци (1865–1947).

– Ты уверен, что он твой брат? – пробормотала Хоуп.

– Конечно. Он просто нервничает из-за сжатых сроков, а еще ему приходится следить за строительством дома для Бекетта и заканчивать проект булочной.

– Да, работы хватает, – согласилась Хоуп. – Ты-то почему не нервничаешь? Ты же тоже этим занимаешься?

– Мы в разных категориях. Мне не нужно быть начальником. Я веду переговоры.

Он поставил на пол в ванной коробку. Хоуп осторожно открыла ее и вытащила стеклянную полочку.

– Просто мелочь, деталь, которую никто и не заметит.

– Зато заметят, если ее не будет.

– Вроде места для зубной щетки. – Хоуп улыбнулась и постучала по стене. – Вот здесь. Если я тебе не нужна, то я пойду.

По дороге она заглянула в номер «Уэстли и Баттеркап», где Кароли усердно мыла пол в спальне.

– Кароли, ванная смотрится потрясающе! Блестит и сияет!

Сестра Жюстины, разрумянившаяся от работы, поправила светлые волосы.

– Клянусь, я уже сто лет так не драила! Впрочем, овчинка стоит выделки. Мне ведь здесь работать. Буду все время заходить в этот номер. Что еще сделать, босс?

Хоуп рассмеялась.

– Ты меня опережаешь! Я отвлеклась, чтобы показать

Оуэну, где вешать полочки и прочую дребедень. Сейчас посмотрю, как дела у Жюстины, и вернусь к себе в квартиру. Квартиру *управляющей отелем*! Да, чуть не забыла. Если в ближайшие пару дней у тебя найдется время, давай-ка еще раз посмотрим программу бронирования. Мы начинаем принимать заказы.

– О, боже! – Кароли восторженно взмахнула руками. – Вот это да!

Торопливо шагая дальше, Хоуп испытывала те же чувства. В последний раз она так радовалась, когда начала работать в джорджтаунском отеле «Уикхем». Не слишком хорошее сравнение, напомнила она себе, учитывая, как все обернулось. Тем не менее именно фиаско с Джонатаном Уикхемом и решение уйти с поста менеджера привели ее в «Инн-Бунсборо». Красивое, прекрасно оборудованное здание в очаровательном городке, где живут ее две самые близкие подруги. Да, еще никогда работа не доставляла ей столько удовольствия.

Хоуп заглянула в «Пентхаус» и увидела, что Жюстина сидит в кабинете на широком подоконнике и смотрит на улицу.

– Отдыхаю, – сообщила Жюстина. – Ванная просто *огромная*.

– Давай домою.

– Я уже закончила, но нужно будет еще раз пройтись там щеткой перед приемом в честь открытия. Сижу вот и вспоминаю, каким было это здание, когда я в первый раз прита-

щила сюда мальчиков. Ужас!.. Томми был бы доволен и гордился. Правда, наверняка бы расстроился из-за того, что ему не дали забить пару гвоздей.

– Он научил сыновей забивать гвозди, значит, его участие в стройке ничуть не меньше.

Взгляд Жюстины смягчился.

– Спасибо за добрые слова. Верно.

Она взяла Хоуп за руку и притянула к себе.

– Жаль, что не идет снег. Я хочу увидеть, как выглядит наша гостиница под снегом, а еще весной, летом и осенью. Хочу, чтобы она сверкала в любое время года.

– Для вас я постараюсь.

– Знаю. Ты будешь здесь счастлива, Хоуп. Я так этого хочу и еще хочу, чтобы всем, кто здесь останавливается, было хорошо.

– Я уже счастлива.

* * *

Вновь принимаясь за уборку, Хоуп думала, что сейчас она гораздо счастливее, чем раньше. У нее есть возможность хорошо поработать на хороших людей. Склонив голову набок, она осмотрела кухонные шкафчики и решила, что заглянет в магазин подарков перед закрытием и купит те великолепные вазы, на которые давно положила глаз. Маленький подарок себе самой на новоселье.

Райдер привез тележку, нагруженную коробками.

– Почему все женщины обожают полки? – сердито спросил он. – Сколько погонных футов горизонтальной поверхности требуется одному человеку?

– Это зависит от того, – с достоинством ответила Хоуп, – сколько предметов этот человек хочет на них поставить.

– Пылесборники.

– Для кого-то пылесборники, а для кого-то сувениры и элементы стиля.

– Куда вешать эти чертовы горизонтальные поверхности для твоих сувениров и элементов стиля? У меня мало времени.

– Оставь их. Позже сама разберусь.

– Отлично.

Райдер сложил коробки на полу и повернулся.

В дверях стояла мать, сложив на груди руки. От ее взгляда Райдер невольно съежился.

– Хоуп, я прошу прощения за сына. Похоже, он забыл о хороших манерах.

– Ничего страшного. Райдер просто занят. Сегодня все заняты.

– Занятость не оправдывает грубости. Правда, Райдер?

– Так точно, мэм. – Он повернулся к Хоуп. – Буду рад повесить ваши полки, если покажете, куда вешать.

– Уже лучше.

Жюстина бросила на него последний грозный взгляд

и ушла.

– Ну? – требовательно произнес Райдер. – Куда их деть?

– Есть у меня одна мысль, но она не имеет отношения к стенам.

К удивлению Хоуп, Райдер широко улыбнулся.

– Так как у меня нет желания засовывать что-либо себе в задницу, еще предложения будут?

– Просто поставь полки у двери и иди.

Он заложил большие пальцы рук за пояс с инструментами и смерил Хоуп взглядом.

– Тебя-то я не боюсь, а вот ее… Если я не повешу полки, мне потом не поздоровится. В общем, я не уйду, пока ты не покажешь, куда что вешать.

– Все уже отмечено.

– Что именно?

– Я измерила полки и отметила, где они должны висеть. – Хоуп показала на пространство между окнами, потом махнула рукой в сторону ванной. – Можешь начинать прямо оттуда.

Она швырнула на пол салфетку для полировки мебели и с достоинством удалилась, решив помочь Оуэну, пока его раздражительный братец не закончит работу.

* * *

О происходящем в здании гостиницы Эйвери узнавала

из эсэмэсок и от заглянувшей на минутку Клэр. Автобус с туристами уехал, стало спокойнее; появилась возможность немного передохнуть в заднем обеденном зале и наскоро перекусить.

Игровые автоматы пока молчали. Эйвери прикинула, что еще есть час или два до того, как после уроков набегут школьники и начнется звяканье и дзиньканье. Впрочем, мелочь, которую оставляют в автоматах, тоже деньги.

– Я так хотела забежать и посмотреть!

Эйвери глотнула из баночки «Гаторейд» – нужна энергия, чтобы продержаться до закрытия.

– Хоуп прислала мне на телефон несколько фотографий.

– И у меня не хватает времени помочь по-настоящему. Пришлось возиться с туристами, благослови их бог. – Клэр улыбнулась и принялась за салат. – Бекетт сказал, что инспектор разрешил обставлять гостиницу. Полностью.

– Неужели?

– Да, осталось уладить кое-какие мелочи, и он еще вернется, но уже можно завозить мебель.

Эйвери хмуро ткнула вилкой пасту.

– Я тоже хочу поучаствовать!

– Эйвери, это займет несколько дней, а может, и недель.

– А я хочу сейчас! – Эйвери тяжело вздохнула. – Ладно, не сейчас, я едва стою на ногах от усталости. Тогда завтра, если получится.

Она отправила в рот очередную порцию макарон.

– Взять, к примеру, тебя. Ты выглядишь такой счастливой!

– И с каждым днем становлюсь все счастливее. Сегодня утром Йода заблевал постель Мерфи.

– Ага, достойный повод для радости.

– Конечно, нет, но Мерфи прибежал за Бекеттом. Это было чудесно!

– Да, хотя хорошо бы обойтись без подробностей о собачьей рвоте.

– Это один из факторов. – Глаза Клэр радостно блестели. – Я очень рада тому, что мальчики любят Бекетта и доверяют ему. Он теперь часть нашей жизни. Я выхожу замуж, Эйвери! Я так счастлива, что мне довелось любить и заполучить в мужья двух потрясающих мужчин!

– Думаю, ты присвоила мою долю. Могла бы оставить Бека мне.

– Ну, уж нет, я его не отдам! – Клэр покачала головой, и ее собранные в хвостик волосы весело заплясали. – Забирай кого-нибудь из братьев.

– Может, сразу обоих? Две пары рук здесь не помешают, особенно сегодня. И я еще не делала покупки к Рождеству. Почему мне всегда кажется, что впереди куча времени?

– Потому, что ты всегда его находишь. Ты уже говорила с Монтгомери о том местечке через дорогу?

– Пока нет, думаю. Ты не сказала Бекетту?

– Нет, я же обещала. Хотя удержалась с трудом. Я привыкла все ему рассказывать.

– Любовь, слюнявая любовь. – Вздохнув, Эйвери пошевелила затекшими пальцами на ногах. – Иногда это кажется совершенно безумной идеей, особенно в такое время, как сейчас. Но…

– У тебя бы получилось.

– Ты так говоришь потому, что у меня уже получилось. – Эйвери рассмеялась, и усталость покинула ее лицо. – А еще ты меня любишь. Ладно, мне нужно работать. Ты вернешься в гостиницу?

– В магазине остались Лори и Чарлин, так что, думаю, вернусь на часок. Потом заберу мальчишек.

– Пришли мне еще фоток.

– Хорошо. – Клэр, стройная и гибкая, встала, спрятала под шерстяную шапку блестящие светлые волосы, надела пальто. – Поспи немного, милая.

– Не вопрос. Как только мы закроемся, я поднимусь наверх и придавлю подушку часов на восемь. Увидимся завтра. Я сама уберу, – сказала Эйвери, когда Клэр потянулась за грязной посудой. – Все равно я иду на кухню.

Она проводила Клэр, размяла уставшие плечи и вновь принялась за работу. До семи часов она трудилась не покладая рук: засовывала пиццы в печь, доставала, раскладывала по коробкам для доставки, передавала официантам. В ресторане было шумно и людно, и Эйвери напомнила себе, что этому надо только радоваться. Она раскладывала пасту, подавала тарелки с бургерами и жареным картофелем, погля-

дывала на мальчугана, который так увлекся игровым автоматом, словно тот стал всем его миром.

Эйвери убежала на кухню за ингредиентами для пиццы, когда вошел Оуэн. Он окинул зал взглядом и нахмурился, не увидев подругу за стойкой.

– Где Эйвери? – спросил он у официантки.

– Где-то здесь. Участники школьного хора зашли перекусить пиццей после репетиции. Мы сбиваемся с ног. Она, наверное, на кухне.

– Ясно.

Не раздумывая, Оуэн подошел к кассе, взял блокнот для записи заказов и направился в задний обеденный зал. Когда Оуэн вернулся, Эйвери с раскрасневшимися от жара щеками стояла у стойки и поливала тесто соусом.

– Вот еще заказы, – сказал Оуэн, положив бланки на прилавок. – Я принесу напитки.

Эйвери раскладывала моцареллу, добавляла начинки и наблюдала за Оуэном.

«На Оуэна можно положиться, – думала она, – что бы ни случилось, на него можно положиться».

Следующие три часа Эйвери работала без передышки. Запеченные спагетти, пицца, баклажаны с пармезаном, кальцоне, сэндвичи. К десяти часам она двигалась, словно в трансе: сняла кассу, протерла столики, закрыла духовки.

– Возьми пива, – сказал Оуэн. – Ты заслужила.

– Может, присядешь?

– Конечно, когда закроемся.

Проводив последнего работника и закрыв двери, Эйвери обернулась. На стойке ее ждал бокал красного вина и кусок пиццы «Пепперони». Перед Оуэном, который устроился на табурете, тоже стоял бокал вина и кусок пиццы.

Да, на кого-кого, а на Оуэна всегда можно положиться.

– Садись, – велел он.

– С удовольствием. Спасибо, Оуэн, огромное спасибо.

– Довольно интересно, если только не нужно заниматься этим каждый день.

– Все равно интересно, большей частью. – Эйвери села и сделала первый глоток вина. – Господи, как вкусно! – Она откусила пиццу. – И это тоже.

– Никто не готовит пиццу лучше тебя.

– Может показаться, что мне надоела пицца, но я по-прежнему считаю ее своим любимым блюдом. – Едва не падая от усталости, Эйвери со вздохом проглотила еще кусок. – Клэр сказала, что вам дали разрешение завозить мебель. Как идет уборка?

– Отлично. Мы на финишной прямой.

– Я бы сходила посмотреть, но вряд ли дойду.

– До завтра гостиница никуда не денется.

– Все, кто сюда сегодня заходил, только о ней и говорили, особенно местные. Ты, должно быть, очень гордишься. Помню, как я себя чувствовала, когда заканчивала работу над рестораном: вешала картины, распаковывала кухонное обору-

дование. Гордилась, радовалась и немного боялась. Это мое детище, Я его создала. Я до сих пор испытываю эти чувства. Конечно, не сегодня, – добавила она со слабой усмешкой. – Иногда.

– Тебе есть чем гордиться. Славное местечко.

– Я знаю, многие считали, что твоя мама сошла с ума, раз сдала мне его в аренду. Чтобы я да управляла рестораном?

Оуэн покачал головой, отметив, что Эйвери очень бледная, почти прозрачная. Она не кипела, как обычно, энергией, и оттого ее усталость была еще заметнее. Он решил, что будет болтать с Эйвери, пока та не доест пиццу, – по крайней мере, уснет не с пустым желудком. Оуэн собирался отвести ее наверх и уложить спать.

– Я так не считал. У тебя получается все, за что ты берешься. И всегда получалось.

– Я не смогла стать рок-звездой, хотя очень хотела.

Оуэн вспомнил, как Эйвери бренчала на гитаре, проявляя больше рвения, чем умения.

– Сколько лет тебе тогда было, четырнадцать?

– Пятнадцать. Папа чуть не упал в обморок, когда я покрасила волосы в черный цвет и сделала татуировки.

– Хорошо, что они были переводные.

Эйвери улыбнулась и отпила вина.

– Не все.

– Да? А где… – начал было Оуэн, когда зазвенел телефон. – Погоди-ка. Что случилось, Рай?

Соскользнув с табурета, он слушал, отвечал, смотрел сквозь стеклянные двери на освещенную гостиницу. Закончив, пристегнул телефон к поясу, повернулся и увидел, что Эйвери крепко спит, сложив на стойке руки и уронив на них голову. Она съела половину куска пиццы и недопила вино. Оуэн убрал со стойки посуду, выключил лампу на закрытой кухне, прошел по всем помещениям и везде потушил свет, оставив только дежурное освещение.

Теперь нужно было что-то делать с Эйвери. Он мог бы отнести ее наверх – весила она немного, – но сомневался, что сумеет одновременно держать ее на руках и запирать дверь пиццерии. В конце концов, Оуэн решил отнести Эйвери наверх и вернуться, но когда он попытался ее поднять, она резко дернулась, едва не ударив его плечом в лицо.

– Что случилось?

– Пора спать. Давай я отведу тебя наверх.

– Я заперла двери?

– Передняя закрыта. Я закрою заднюю.

– Все нормально, я сама.

Эйвери вытащила ключи, но Оуэн их забрал. Он решил, что было бы странно взять ее сейчас на руки, и потому просто обнял за талию и помог идти.

– Я на минутку закрыла глаза…

– И не открывай еще часов восемь-девять. – Оуэн запер дверь, затем повел Эйвери к лестнице. – Вперед.

– Я как в тумане. Огромное спасибо за все и сразу.

– Пожалуйста, за все и сразу.

Оуэн отпер ее квартиру, стараясь не морщиться при виде вещей, которые Эйвери не успела распаковать, хотя со дня переезда прошло больше месяца. Положил ключи на столик у двери.

– Закрой за мной.

– Угу. – Она улыбнулась ему, пошатываясь от усталости. – Ты такой милый, Оуэн. Я бы выбрала тебя.

– Для чего?

– Моя доля. Спокойной ночи.

Оуэн подождал у двери, пока не услышал щелчок замка. Что еще за доля? Он покачал головой и зашагал вниз по ступенькам к выходу на задний двор, где стоял его грузовичок. Садясь за руль, Оуэн бросил взгляд на окна Эйвери. Он все еще чувствовал аромат лимона от ее рук и волос. Этот запах не покидал Оуэна всю дорогу домой.

3

Улучив свободную минуту, Эйвери закуталась в пальто, натянула на голову лыжную шапочку и рванула через улицу. На парковке она заметила грузовик с мебелью и прибавила шаг – от волнения и от холода. В гостинице кипела бурная деятельность: рабочие на стремянках что-то подкрашивали, из лобби-бара и обеденного зала доносился стук молотков и жужжание дрели.

Эйвери прошла через переднюю арку и не сдержала восторженный вздох, когда увидела перила ведущей наверх лестницы. Из-за двери обеденного зала выглянул Райдер.

– Сделай одолжение, не ходи туда. Там Лютер занимается перилами.

– Они такие красивые! – прошептала Эйвери, погладив изгиб темной бронзы.

– Ага. Лютер распростерся на ступеньках и работает, он слишком вежлив, чтобы послать тебя в обход. А я нет.

– Не вопрос. – Эйвери направилась к обеденному залу, взглянула наверх. – Господи, просто потрясающе! Ты только посмотри на светильники!

– Чертовски тяжелые, – заметил Райдер, но тоже поднял взгляд на массивные плафоны в виде желудей, декорированные дубовыми ветвями. – Да, смотрятся неплохо.

– Они великолепны! И бра тоже. У меня мало времени,

но я хочу все посмотреть. Хоуп здесь?

– Наверное, на третьем этаже, возится с мебелью.

– Уже с мебелью? – Радостно взвизгнув, Эйвери побежала через лобби-бар к выходу.

Выдыхая клубы пара, она поднялась на два лестничных пролета и открыла дверь номера «Уэстли и Баттеркап». Пару мгновений она просто стояла и с улыбкой глядела на мерцающий камин и темные планки жалюзи. Ей хотелось все здесь исследовать, рассмотреть каждую мелочь, но еще сильнее ей хотелось пообщаться.

Услышав голоса, Эйвери поспешила к двери на террасу, поднялась в «Пентхаус» и застыла с открытым ртом.

Жюстина и Хоуп поставили два обтянутых шелком кресла слегка под углом друг к другу. Синие и золотистые цвета обивки подчеркивали роскошный темно-золотой цвет вычурного дивана, вокруг которого суетилась Кароли, раскладывая подушки.

– Думаю, надо… А, Эйвери! – Жюстина выпрямилась. – Пройди от двери к окну. Хочу проверить, не мешает ли мебель.

– Я приросла к месту. Господи, Жюстина, какое великолепие!

– Но удобно ли? Не хочу, чтобы гости натыкались на стулья. Представь, что ты только что въехала и хочешь подойти к окну, чтобы посмотреть на улицу.

– Ладно. – Эйвери подняла руки и закрыла ни миг глаза. –

Что ж, Альфонс, думаю, на ночь сойдет.

– Альфонс? – удивленно переспросила Хоуп.

– Мой любовник. Мы только что приехали из Парижа.

Эйвери состроила высокомерную гримасу, продефилировала через комнату и выглянула в окно. Затем повернулась к Жюстине, пританцовывая от восторга, и ее лицо расплылось в широкой улыбке.

– Впечатляет. И ни на что не натыкаешься. Неужели вы разрешите сидеть на этой мебели?

– Для того она и предназначена.

Эйвери погладила валик дивана.

– Знаете, а ведь люди будут здесь не только сидеть. Это я так, к слову.

– О некоторых вещах я предпочитаю не думать. Надо подобрать светильник для комода. Что-нибудь изящное с блестящим абажуром.

– Я видела нечто подобное в мебельном магазине «Баст», – сказала Хоуп. – По-моему, сюда подойдет.

– Запиши, ладно? Кто-нибудь потом сходит за разными стильными мелочами, посмотрим, как они сюда впишутся.

– Все и так прекрасно, – заметила Эйвери.

– Ты еще ничего толком не видела, – сказала Хоуп и подмигнула. – Отведи Альфонса в спальню.

– Его любимое место. Это не человек, а машина!

Эйвери пошла за Хоуп и хотела было заглянуть в ванную, но подруга схватила ее за руку.

– Вначале сюда.

От изумленного вздоха Эйвери Хоуп засияла, словно новоиспеченная мать.

– Какая кровать! Я видела описание, но в действительности она гораздо лучше!

– Мне нравится резьба. – Хоуп любовно провела пальцами по высокой колонне. – А с постельными принадлежностями эта кровать выглядит просто роскошно. Веришь, Кароли целый час возилась с одеялом, подушками и покрывалом!

– А я в восторге от подушек соломенного цвета на белых простынях. И покрывало тоже классное.

– Кашемир. Мелочь, а приятно.

– Еще бы! Какие столы и лампы! А туалетный столик!

– Легкий золотистый блеск очарователен. Хочу сегодня здесь закончить. Журнал, книги, DVD-плеер… Нужно сделать фотографии для сайта.

– Мне нравятся плюшевые скамеечки с подушками у изножья кровати. Все говорит о роскоши. Даже Альфонс будет доволен.

– Да, видит бог, его удивить трудно. Грузчики из мебельного магазина только что уехали. Должны привезти обстановку для номера «Уэстли и Баттеркап». Тяжелая работенка – затаскивать мебель по лестнице!

– Сейчас мне пора, но после обеда возвращается Дейв, так что вечером я не буду занята в ресторане. Могу помочь.

– Ты принята. Я хочу принести сюда свои вещи, без кото-

рых смогу обойтись. Нужно подобрать картины, и я уже положила глаз на кое-какие безделушки из магазина подарков.

– Надо же, это происходит наяву!

– Мне нужно твое меню для папок с информацией для гостей.

– Хорошо. – Эйвери зашла в ванную. – Ой, вы уже все разложили! Шампунь, мыльницы!..

– Для фотографий. Вернее, это просто предлог. Хочется посмотреть, как будет выглядеть полностью обставленный номер. Я разложу полотенца, повешу халаты, а Райдер сфотографирует. У него хорошо получается.

– Это точно, – согласилась Эйвери. – Я до сих пор храню нашу с Оуэном фотографию, которую Райдер сделал, когда мы были еще подростками. Забавное фото. Кстати, вы знаете, что он зашел вчера вечером и помог мне обслуживать столики?

– Кто, Райдер?

– Нет, Оуэн. А потом практически отнес меня наверх. Два дня по две смены, автобусная экскурсия, неожиданные посиделки школьного хора, неполадки с компьютером и так далее. В общем, к закрытию я была как зомби.

– Он такой милый.

– Да, почти всегда.

– Бекетт тоже. И в кого только Райдер?

Эйвери рассмеялась, провела пальцем по краю овальной раковины.

– О, где-то внутри он тоже милый. Если копнуть глубже.

– Боюсь, без взрывчатки не обойтись. Зато он труженик и очень скрупулезный. Ладно, мне пора работать.

– Мне тоже. Я освобожусь часа в четыре, самое позднее – в пять.

– Ходят слухи, что сегодня мы сможем заняться библиотекой. По крайней мере, шкафами. И, возможно, номером «Элизабет и Дарси».

– Я приду. Хоуп! – Слегка подпрыгнув от избытка чувств, Эйвери обняла подругу. – Я так за тебя счастлива! Увидимся.

Она поспешила вниз по лестнице и выскочила на улицу в тот миг, когда Оуэн с блокнотом в руках заходил в ворота между предполагаемой булочной и внутренним двором гостиницы.

– Эй! – окликнула Эйвери.

– И тебе того же! – отозвался Оуэн и подошел ближе. – Выглядишь лучше.

– Чем кто?

– Чем ходячий мертвец.

Эйвери легонько ткнула его кулаком в живот.

– Надо бы сильнее, но я у тебя в долгу. Да, кстати, забыла спросить, как чаевые?

– Неплохо, примерно двадцать пять долларов. – Не думая, Оуэн застегнул пальто Эйвери. – Скажи, что Фрэнни и Дэвид вышли на работу.

– Дейв работает, ну, или сейчас придет. А Фрэнни нет. Ей лучше, но я хочу, чтобы она еще денек побыла дома. Меня только что ослепил пентхаус. Оуэн, это потрясающе!

– Я еще не видел. – Он посмотрел наверх. – Что там готово?

– Все. Гостиная, спальня. Ребята собираются заносить мебель в номер «Уэстли и Баттеркап». Я приду позже, тоже хочу поучаствовать. Ты будешь?

– Пока не закончим, кому-то или всем нам придется торчать здесь круглосуточно.

– Тогда увидимся. – Эйвери отошла вместе с Оуэном в сторону, чтобы не мешать грузовику с мебелью. – Ой, как не хочется уходить! Черт побери необходимость зарабатывать на жизнь!

– Не стой на морозе. – Оуэн взял ее ладони, потер. – Где твои перчатки?

– В кармане.

– От них было бы больше пользы, если бы ты их надела.

– Возможно, но тогда ты бы не растер мне руки. – Она встала на цыпочки и чмокнула его в щеку. – Мне нужно идти. Пока!

С этим словами Эйвери умчалась прочь. Оуэн посмотрел вслед, удивляясь ее стремительности. Впрочем, Эйвери всегда была быстрой. Интересно, почему она пошла в группу поддержки вместо того, чтобы заняться бегом? Оуэн вспомнил, что когда он спросил Эйвери, та закатила глаза. Форма

у черлидерш круче.

Надо признаться, что в той форме Эйвери выглядела просто обалденно. Может, она до сих пор сохранила экипировку?

Нет, наверное, не стоит думать об Эйвери в форме черлидерши. И вообще, какого черта он стоит на холоде и размышляет о всякой ерунде?

Оуэн вошел в здание и за работой забыл обо всем.

* * *

Время пролетело незаметно; когда рабочие закончили, Оуэну хотелось пропустить стаканчик-другой, но у его матери были другие планы. Вместо того чтобы поднимать бокал с холодным пивом, ему пришлось поднимать наверх ящики с книгами. Жюстина, подбоченясь и сжимая в руке тряпку, стояла на лестнице и командовала.

– Неси прямо в библиотеку. Девочки уже там, полируют книжные полки. Мы с Кароли возвращаемся в номер «Ник и Нора».

– Есть, мэм.

Тяжело дыша, Оуэн поплелся наверх, за ним – Райдер с еще одним ящиком, Бекетт замыкал шествие.

– Чертова куча книг, – пробормотал Райдер, удостоверившись, что мать его не слышит.

– Чертова прорва полок, – поправил Оуэн.

В библиотеке пахло полиролью и духами. Эйвери стояла на верхней ступеньке табурета-стремянки и наводила блеск на верхние полки книжного шкафа, примыкающего к камину. Все шкафы братья Монтгомери соорудили в своей мастерской. Оуэн вспомнил, сколько было вложено труда: как пилили, шлифовали, клеили и обрабатывали морилкой. Сил потратили много, подумал он, и результат того стоит.

Еще большую радость Оуэн испытывал сейчас, глядя, как блестит древесина под полировальной салфеткой.

– Отлично смотрится, дамы, – заметил Бекетт, поставив свою ношу на пол.

Он обнял Клэр сзади, прижал к себе и ткнулся носом в ее шею.

– Привет!

– Это который? – Клэр повернула голову и рассмеялась. – Ах да, мой.

– Никаких нежностей, пока не закончим! – Райдер показал большим пальцем на дверь. – Там еще есть груз!

– В номере «Джейн и Рочестер» осталось два ящика, – вмешалась Хоуп. Она, присев на корточки, полировала дверцы под полками. – На них написано «Библиотечные полки».

– Я все. – Эйвери спрыгнула с табурета. – Пойду принесу. Ты мне поможешь?

Она посмотрела на Оуэна.

– Конечно.

Когда они вошли в комнату, Эйвери заметила, что штабе-

ли ящиков стали ниже, и, похоже, их уложили по-новому.

– Уже немного осталось. Ты их переставлял?

– Да, так легче искать.

– Надо бы тебе навести порядок у меня в квартире. Может, тогда я найду фиолетовый шарфик, который купила в прошлом месяце.

– Если бы ты распаковала все вещи, то, наверное, уже бы нашла.

– Я почти все распаковала.

Оуэн воздержался от комментариев.

– Ящики с полками для библиотеки вон там.

Он прошел вокруг штабелей к углу возле ванной.

– Чем ты займешь свободнее время после того, как вы здесь закончите? – спросила Эйвери.

– Ты подразумеваешь время, которое останется от работы над булочной, домом Бекетта, обслуживанием сданных в аренду помещений и ремонтом кухни у Линн Барни?

– Линн Барни переделывает кухню? Надо же, а я не знала.

– Нельзя все знать.

– Я знаю почти все. Люди любят поговорить за пиццей или пастой.

Она нагнулась за ящиком, на котором Хоуп вывела четким печатным шрифтом: «Библиотечные полки».

– Этот слишком тяжелый. Возьми вон тот.

– А как насчет помещения под квартирой Хоуп? Ее временного пристанища?

– Подумаем. Лучше действовать шаг за шагом.

– Иногда мне нравится делать несколько шагов одновременно.

– Так и упасть можно.

Оуэн поднял ящик и открыл дверь, толкнув ее бедром.

– Зато быстрее окажешься там, где надо.

– Нет, если упадешь.

– У меня хорошее чувство равновесия. Там отличное помещение, – добавила Эйвери, когда Оуэн тем же способом распахнул дверь на террасу.

– Вначале булочная и дом Бекетта. Здание никуда не денется.

Эйвери хотелось поспорить. Зачем держать пустым помещение на Центральной улице, когда можно его заполнить? Потом она бросила взгляд в сторону номера «Ник и Нора», откуда доносился голос Жюстины. Наверное, лучше сразу обратиться в верхнюю инстанцию.

В библиотеке они с Хоуп и Клэр разобрали содержимое ящиков, расставили на полках книги и безделушки. Любовные романы, детективы, книги по истории, классику, коллекцию старинных бутылок, игрушечную модель автомобиля, когда-то принадлежавшую отцу Оуэна, железные подсвечники, которые сделал отец Эйвери…

– Я думала, что у нас много этого барахла, – заметила Хоуп, – даже слишком много, а оказалось, что еще и не хватает.

– У меня в книжном есть несколько сувениров, и всегда

можно что-нибудь подобрать в магазине подарков, – сказала Клэр.

– Мы хотим поставить поднос с графином виски и стаканами вот здесь, на нижней полке.

Клэр отступила назад и оглядела плоды своих трудов.

– Безделушек маловато. Зато с книгами все в порядке. Ты молодец, Клэр, отличная подборка.

– Для меня это было в удовольствие.

– Знаете, что еще здесь нужно? – Эйвери прислонилась к дальней стене. – Давайте сфотографируем весь персонал на переднем крыльце гостиницы, а потом повесим фотографию в рамочке вот сюда. Персонал отеля «Инн-Бунсборо».

– Отлично. Замечательная идея! А когда занесем мебель, добавим еще картин. – Хоуп огляделась. – У окна – письменный стол с ноутбуком для посетителей. Большая гостевая книга в кожаном переплете. Изумительный кожаный диван, кресла, светильники.

– Я схожу за Жюстиной и Кароли, – предложила Клэр. – Посмотрим, что они думают.

Но едва она шагнула к двери, как гостиница огласилась воинственными криками.

– Похоже на вторжение моих мальчишек. Я сказала Алве Риденур, что заеду за ними и отвезу поесть пиццы. Видимо, Алва решила сама их привезти.

С лестницы донесся громкий топот, словно по ней мчалось стадо бизонов. Женщины вышли из номера и увидели,

как все три сына Клэр сломя голову бегут по коридору.

– Мама! Миссис Риденур сказала, что они с мужем тоже хотят пиццу. Мы пришли посмотреть отель! – Гарри, самый старший, с разбегу обнял мать, а потом начал носиться кругами.

– Тише, тише.

Клэр поймала его ладошку, ухитрившись другой рукой обнять среднего сына, Лиама, который уткнулся в ее ноги. Ласково сжав ладонь Гарри, она подхватила младшего, Мерфи, и посадила себе на бедро.

– Привет! – Мерфи поцеловал ее слюнявыми губами. – Мы сделали домашнюю работу, и пообедали, и поиграли в домино-змейку, и покормили Кена и Йоду, и мистер Риденур сказал, что даст каждому по *два* доллара на игровые автоматы потому, что мы хорошо себя вели!

– Приятно слышать.

– Мы хотим посмотреть отель. – Лиам склонил голову набок. – Мистер и миссис Риденур тоже. Можно, мам? Можно посмотреть?

– Не бегать и ничего не трогать.

Клэр взъерошила и без того растрепанные золотисто-каштановые волосы сына.

– Мне показалось, что я слышу войска на марше.

– Бабуля!

Мальчики дружно ринулись к Жюстине и окружили ее. Она присела, обняла их и широко улыбнулась Клэр.

– Я теперь бабуля! – Жюстина громко чмокнула каждого в щеку. – Что может быть лучше?

– Бабуля, можно посмотреть твой отель? – Мерфи одарил Жюстину ангельской улыбкой и умильным взглядом больших карих глаз. – Ну, пожалуйста, мы ничего не будем трогать!

– Конечно.

– Может, начнем сверху? – Бекетт обогнул лестницу и взял Клэр за руку. – Рай внизу, показывает Риденурам обеденный зал. Через пару минут они поднимутся сюда.

– Бабуля, а ты пойдешь? – Гарри потянул Жюстину за руку. – Мы хотим, чтобы ты пошла с нами!

– Само собой.

– Бекетт говорит, что, когда гостиницу доделают, мы останемся здесь на ночь.

Лиам схватил вторую руку Жюстины, а Мерфи потянулся к Бекетту.

– И будем спать на большой кровати. А ты тоже останешься на ночь?

– Собираюсь. Мы все проведем здесь первую ночь.

Они направились на третий этаж, а Эйвери сказала Оуэну:

– Разве не замечательное зрелище? Лучшее в мире! Клэр и мальчики, Клэр и Бекетт, Клэр с Бекеттом и мальчиками, твоя мама с ними. – Она хлюпнула носом и положила руку на сердце. – Так трогательно!

– И нам с Райдером полегче. Да шучу я, шучу, – торопли-

во сказал Оуэн, когда Эйвери сердито прищурила влажные глаза. – Мама без ума от ребятишек.

– Повезло им. У них теперь три бабушки.

– Мой отец тоже бы их любил.

– Знаю. – Повинуясь велению сердца, Эйвери погладила Оуэна по спине. – Он умел ладить с детьми. Я помню пикники у вашего дома, как он возился с нами. Я его обожала. А когда он заходил пообщаться с моим отцом, то всегда говорил: «Привет, Рыжик! Что нового?»

Она вздохнула.

– Похоже, я сегодня расчувствовалась. Пошли, посмотришь, что мы сделали с библиотекой.

– Папа относился к тебе как к дочери.

– Ох, Оуэн.

– Честно. Они с твоим отцом были как братья, вот он и считал тебя одной из нас. И постоянно твердил, чтобы я за тобой присматривал.

– Неправда.

– Правда.

Оуэн легонько дернул ее за колючий хвост отливающих медью волос и шагнул в библиотеку.

– Ого! Прекрасная работа, а главное, быстрая!

– Хорошая организация. – Эйвери рассмеялась. – Ты, должно быть, знаешь, что здесь много свободного места, и я предложила сделать фотографию персонала на крыльце отеля. Можно поместить ее в рамочку и повесить вот сюда. Все-

таки часть истории.

– Ты права. Сделаем.

– Я могу сфотографировать, особенно если мне удастся уговорить Райдера дать мне свой фотоаппарат. Только скажи, когда все соберутся, и я подойду. А где Хоуп?

– Пошла с Кароли в номер «Ник и Нора». Наверное, уже заканчивают.

– Она никогда не закончит, если не сказать, что хватит. Иди, скажи ей. – Эйвери легонько подтолкнула Оуэна. – Пусть зайдет ко мне поужинать, и Кароли возьмет. Вам с Райдером тоже не мешает что-нибудь съесть и выпить пива.

– Я готов.

– Тогда сходи за ней. Она тебя послушает. А я побегу, предупрежу своих, что сейчас заявится толпа народа. Посмотрю, может, получится усадить всех вас в заднем зале.

– Нас. Тебе тоже надо поесть.

Эйвери удивленно склонила голову набок.

– Присматриваешь за мной?

– Я послушный сын.

– Когда тебе удобно… Увидимся в «Весте».

Проходя мимо номера «Элизабет и Дарси», Эйвери услышала голоса. Решив, что кто-то из гостей остался посмотреть номер, она распахнула дверь. Мерфи стоял один в пустой комнате у открытой двери на террасу и что-то оживленно рассказывал.

– Мерф?

– Привет!

– Привет. Малыш, на улице очень холодно. Нельзя открывать двери.

– Я не открывал и ничего не трогал. Ей нравится выходить на террасу, чтобы смотреть.

Эйвери осторожно подошла к двери, ежась от холода, выглянула на террасу.

– Кому нравится?

– Даме. Она сказала, что я могу называть ее Лиззи, как Бекетт.

Эйвери обдало морозом, но открытая дверь не имела к этому никакого отношения.

– О, боже. Хм… она сейчас здесь?

– Вон там, у перил. – Мерфи махнул рукой. – Она не велела мне выходить, сказала, что мама будет волноваться.

– Правильно.

– Она ждет.

– Да? И чего же она ждет?

– Билли. А мы сейчас пойдем есть пиццу?

– Э-э… да, через пару минут.

Входная дверь с шумом открылась, и Эйвери испуганно подскочила. Встретившись взглядом с Оуэном, она слабо рассмеялась.

– Мы просто… даже не знаю. Мерфи, я слышала наверху голоса твоей мамы и Бекетта. Поднимись к ним, ладно? И обещай, что никуда от них не уйдешь.

– Хорошо. Я только хотел увидеть Лиззи. Ей нравится, когда есть с кем поговорить. Пока!

– Вот черт! – с чувством произнесла Эйвери, когда Мерфи ушел. – Я услышала голоса людей и зашла. А в комнате никого, кроме Мерфи, и дверь на террасу открыта. Но он сказал, что дама – Лиззи – стоит вон там, у перил. Он ее видит и разговаривает с ней. Оуэн, я действительно слышала голоса, а не один голос. И…

– Не так быстро, переведи дыхание.

Оуэн вошел в номер, закрыл дверь на террасу.

– Но она там! Разве не нужно было подождать, пока она войдет?

– Ничего, она сама справится.

– Может, она уже здесь. – Вытаращив глаза, Эйвери прислонилась к двери. – Это было так… так *круто!* Мерфи Брюстер, Говорящий с призраками. Он сказал, что она ждет кого-то по имени Билли. Я должна здесь остаться! Может, пообщаюсь с ней поближе… если только это не инопланетяне. Ох, ничего себе!

Оуэн положил руки ей на плечи. Ее потряхивало от нервного возбуждения.

– Сделай глубокий вдох.

– Ничего, я в порядке, просто немного растерялась… Потрясающе! А ты почему такой спокойный?

– Все волнение ушло к тебе. Говоришь, она ждет Билли?

– Мерфи так сказал, а он общался с ней напрямую. На-

верное, Билли ее муж или возлюбленный.

– Мужья обычно и есть возлюбленные.

– Ты знаешь, о чем я. Все эти годы она его ждет. Ждет своего Билли. Так романтично!

– Скорее, трагично.

– Неправда!.. Ну, ладно, пусть трагично, но и романтично. Вечная любовь, над которой не властно время, – ведь это так редко встречается в обычной жизни! Согласен?

– Я не большой знаток… – начал было Оуэн, но Эйвери его перебила:

– Она здесь потому, что ее удерживает сила любви. Больше ничего не имеет значения, ведь это…

Дверь за спиной Эйвери распахнулась, толкнув ее прямо на Оуэна. Он подхватил девушку обеими руками, не давая упасть, а она запрокинула голову и посмотрела ему в глаза.

– …самое главное, – закончила она фразу.

Они стояли, плотно прижатые друг к другу открытой дверью, а из коридора доносился топот шагов и веселый смех.

«Что за черт?!» – мелькнуло в мозгу Оуэна.

Его губы коснулись губ Эйвери, а она запустила пальцы ему в волосы. Горячий и яркий – так подумал Оуэн о поцелуе. Горячий и яркий, полный света и энергии. И Эйвери. Все вокруг словно закружилось, у Оуэна перехватило дыхание, и он почувствовал, как глубоко внутри нарастает острое желание. К коже горячо прилила кровь. Он ни о чем не думал и ничего не чувствовал, кроме движений Эйвери, вкуса

ее жадных губ, запаха лимона и жимолости.

Эйвери стояла на цыпочках, плотно прижавшись к Оуэну и чувствуя удивление и восторг. Она не сопротивлялась их мощному натиску, хотя они захватили ее врасплох, и позволила увлечь себя навстречу неизвестности.

Первым отпрянул Оуэн. Он уставился на Эйвери как человек, который только что вышел их транса.

– Что это? Что это *было*?

– Не знаю.

Впрочем, ей и не хотелось знать, особенно сейчас, когда он вновь ее обнял. Она старалась удержать чудесное сияющее мгновение, поддаться ему.

Кто-то постучал в дверь.

– Оуэн! Эйвери! – позвал Бекетт. – Что случилось? Откройте чертову дверь!

– Погоди, – ответил Оуэн, осторожно выпуская Эйвери из своих объятий, и повторил, обращаясь на этот раз к ней: – Погоди.

Он перевел дыхание, подошел к входной двери, дернул. Та легко открылась.

– Что за ерунда? – возмущенно спросил Бекетт, затем перевел взгляд на открытую дверь на террасу. – Вот черт!

– Ничего, все в порядке. Я сам этим займусь.

– Мерфи сказал, что вы с Эйвери здесь. – Бекетт оглянулся проверить, нет ли поблизости детей. – У вас все нормально?

– Да, все хорошо. Мы… э-э-э… идем есть пиццу.

– Понятно. Не забудь запереть дверь.

– Я закрою.

Эйвери осторожно закрыла дверь на террасу, повернула защелку.

– Ладно, увидимся в «Весте».

Бекетт бросил на них последний взгляд и вышел. Оуэн не двигался с места. Держась за ручку открытой входной двери, он смотрел на Эйвери.

– По-моему, довольно странно, – начала она. – Правда?

– Не знаю.

– Разговоры про романтику и любовь… похоже, они всему виной.

– Ага. Наверное. Хорошо.

Она глубоко вздохнула, подошла к Оуэну.

– Я не хочу странностей.

– Хорошо.

– Наверное, нам лучше уйти. Я имею в виду, из этого номера.

– Хорошо.

– Мне нужно помочь Дейву.

– Хорошо.

Эйвери ткнула его кулаком в грудь.

– Хорошо? И это все, что ты можешь сказать?

– Ну, сейчас это самое безопасное.

– В задницу такую безопасность! – Эйвери с силой выдох-

нула. – Никаких странностей, и не говори «хорошо»!

Она величественно вышла из номера и спустилась вниз.

– Хорошо, – прошептал Оуэн.

Он закрыл дверь и не успел отойти, как за ней послышался тихий женский смех.

– Да уж, шуточки! – пробормотал Оуэн и, сунув руки в карманы, мрачно побрел по лестнице на первый этаж.

4

Холод держал зиму мертвой студеной хваткой. Под хмурым небом каждый глоток воздуха давался с трудом. Мороз покрыл ледяной коркой плиты внутреннего дворика.

– Не желаю слышать ни о каких изменениях, украшениях или непредвиденных обстоятельствах, – проворчал Райдер.

– Давайте просто посмотрим, – предложил Бекетт, направляясь в номер «Джейн и Рочестер».

– Еще до черта ящиков. – Райдер сунул руки в карманы. – Похоже, мама накупила столько светильников, что хватит на полгорода.

– На обратном пути можно взять все, что унесем, для номера «Ник и Нора», – сказал Оуэн. – А здесь что не так, Бек?

– Это единственное укромное место в гостинице, где можно спокойно разговаривать, – со вчерашнего вечера мы словно в окружении. Хотел поговорить с тобой у Эйвери, да ты сбежал. Что там случилось с Элизабет?

– Ради всего святого! – Райдер сдернул шапку, взъерошил густые темно-каштановые волосы. – Ты притащил нас сюда, чтобы обсуждать призраков?

– Там был Мерфи, – напомнил Бекетт. – Один: дверь в коридор закрыта, дверь на террасу открыта. А ему, черт возьми, всего шесть! Клэр уже почти не боится Лиззи. Если бы она не написала предупреждение на запотевшем зеркале

в ванной – уж не знаю, как ей это удалось, – мы бы не успели вовремя, когда Фримонт напал на Клэр. Тем не менее Мерфи еще совсем кроха.

– Ладно, ты прав. – Райдер снова надел шапку. – Меня бесит вся эта история с привидением.

– Тебя иногда и скамейки в парке бесят.

Бекетт только покачал головой.

– Мы почти все узнали от Мерфи. Этого парня не остановишь. Решил навестить Лиззи и пошел. Рассказал ей о школе, о щенках, а она расспрашивала его о родственниках.

– Значит, Мурфик-смурфик мило побеседовал с призраком, – прокомментировал Райдер. – Ему нужно собственное телешоу. Привидения в гостях у Мерфи!

– Очень смешно, – сухо заметил Бекетт. – Лиззи вышла на террасу, но Мерфи не разрешила – мол, мама будет волноваться. А еще она сказала, что любит стоять на террасе. И о том, что ждет Билли. Она уверена, что теперь, когда отель отремонтировали и вокруг полно людей и света, Билли будет легче ее найти.

– Кто такой Билли? – осведомился Райдер.

– Вот-вот, Мерфи тоже не понял.

– Что вы на меня уставились? – возмущенно спросил Оуэн. – Я ничего не слышал. Я пришел, когда там уже была Эйвери, держала Мерфи. Мы отослали его к Клэр, чтобы она не волновалась.

– Да, он все твердил о Лиззи и о том, что вы с Эйвери тоже

там были. А я не мог открыть дверь, ее словно заклинило.

– В общем, Лиззи забавлялась. – Оуэн хотел небрежно пожать плечами, однако лишь нервно дернулся. – Не в первый раз.

– И не в последний, – пробормотал Райдер.

– Да, не в первый и не в последний, – согласился Бекетт, – но когда ты открыл дверь изнутри, у тебя был такой вид, словно тебе врезали по башке чем-то тяжелым. Вот я и хочу знать, что произошло между тем, как ты отослал Мерфи, и тем, как ты открыл дверь.

– Ничего особенного.

– Брехня! – Райдер фыркнул. – Не умеешь ты врать, братец. Если ничего особенного не произошло, то почему в «Весте» ты был такой хмурый? Как наседка на разбитых яйцах. А потом смылся под предлогом того, что тебе надо поработать с документами.

Райдер ухмыльнулся и кивнул Бекетту.

– Что-то там точно произошло.

– Давай, Оуэн, колись, – поддержал Райдера Бекетт.

– Ну хорошо, хорошо. Эйвери рассказала о том, что узнала от Мерфи. Была очень взволнована и в мечтательном настроении. Все из-за Лиззи и Билли, которого она ждет, – прямо сюжет для кино. Романтика, любовь до гроба и прочая дребедень. Ну, вы знаете, вполне в духе Эйвери.

– Вообще-то, не знаем. – Райдер пожал плечами. – Лично я никогда не разговаривал с Эйвери о романтике и любви до

гроба. А ты, Бекетт?

– Нет, насколько я помню. Это Оуэн был ее первым дружком.

– Заткнись! – Смущенный и рассерженный Оуэн переступил с ноги на ногу. – Ей было пять, может, шесть. Как сейчас Мерфи.

– Она сказала, что выйдет за тебя замуж, – напомнил Бекетт, и они с Райдером прыснули со смеха. – У вас будет три кошки, две собаки и пятеро детишек. Или трое детей и пять собак.

– Ты подарил ей кольцо, брат.

Загнанный в угол Оуэн сердито оскалился.

– Кольцо из дурацкого автомата, торгующего жвачкой! Мы просто играли! Господи, да я сам был тогда ребенком!

– Поцеловал ее прямо в губы, – вспомнил Бекетт.

– Случайно! Это ваше вспыльчивое, пропахшее жимолостью привидение распахнуло дверь, к которой прислонилась Эйвери. Не успел я опомниться, как она повисла на мне и…

Удивленно подняв брови, Бекетт склонил голову набок, изучая лицо Оуэна.

– Вообще-то я говорил о том времени, когда ей было пять.

– Черт!

– Ну-ка, просвети нас! – потребовал Райдер. – Ты что, целовался с Маленькой Рыжей Машиной?

– Так получилось! – оправдывался Оуэн. – Ее толкнуло ко мне дверью.

– Ага, почаще бы так.

– Иди к черту!

– Видимо, долгий был поцелуй, – предположил Бекетт. – Судя по твоему виду, когда ты отпер дверь.

– Я не отпирал дверь! Это все она!

– Рыжая?

– Нет, не Эйвери. Элизабет. А потом она рассмеялась.

– Эйвери?

– Да нет же! – Еле сдерживаясь, чтобы не вцепиться себе в волосы, Оуэн шагал между ящиков. – Элизабет. Я услышал ее смех после того, как Эйвери психанула и ушла.

– Эйвери психанула из-за того, что ты ее поцеловал? – спросил Бекетт.

– Нет. Возможно. Откуда мне, черт возьми, знать, из-за чего женщины психуют?

На Оуэна накатила досада.

– Да причиной может стать все, что угодно! А на следующий день прежняя причина уже не важна, зато находится другая. Ни один мужчина ничего не поймет, – мрачно сообщил он.

– Пожалуй, – кивнул Райдер. – Ладно, вернемся к нашему разговору. Она ответила на твой поцелуй? Уж это мужчина точно поймет.

– Да, ответила.

– Машинально или с чувством?

– С чувством, – признался Оуэн. – Не просто по-дружески

чмокнула.

– С языком?

– Господи, Рай!

– Видишь, не только тебя интересуют подробности. – Райдер кивнул Бекетту. – Определенно языки участвовали.

– Я же сказал, что она ответила на поцелуй! А потом Бек начал колотить в дверь, и все стало каким-то сюрреалистичным. Она сказала, что не хочет странностей. Ну, я и сказал, что хорошо. Она сказала, что пойдет помогать Дэйву, а я опять сказал: «Хорошо».

– Вот придурок! – Райдер жалостливо покачал головой. – Предполагалось, что ты будешь умным. Ты – умный, Бекетт – добрый, я – красивый. А ты показал себя придурком. Ты здорово облажался, приятель.

– С чего это я придурок?

Бекетт поднял руку.

– Я объясню. Ты страстно целуешь девушку, и, если я правильно понял, ей это нравится. А когда она пытается выяснить, в чем дело, ты твердишь одно слово – «хорошо». Нет, ты и вправду придурок.

– Она не хочет странностей. Я пытался сделать так, чтобы это не выглядело странным.

– Тебя толкает мертвая женщина, в результате чего ты целуешься взасос со своей старой подружкой, а привидение запирает дверь? Это действительно странно, – заключил Райдер.

– Никакая она не старая подружка! Ей было пять лет!

Райдер дружески положил руку на плечо Оуэна.

– Женщины такое не забывают. Если не хочешь, чтобы все стало еще страннее, поговори с Эйвери. Эх ты, бедолага!

– Эйвери права, – задумчиво произнес Бекетт. – Лиззи очень романтична. Я впервые поцеловал Клэр в этом здании и только потом догадался, что Лиззи все подстроила. Ну, или кое-что.

– Вот ты с ней и поговори! – потребовал Оуэн. – Пусть отстанет.

– Должно быть, поцелуй с Рыжей вызвал у тебя разжижение мозга, – предположил Райдер. – Можно сказать женщине, что делать, и – если ты поведешь себя правильно! – она, не исключено, тебя послушается, хотя бы частично. Это живая женщина. А вот мертвая… Честно говоря, я сильно сомневаюсь.

– Чушь.

– Поговори с Эйвери, – посоветовал Бекетт. – И чем скорее, тем лучше.

– Чушь.

– Ладно, дамочки, побеседовали по душам, и хватит: работать пора. – Райдер подошел к двери и открыл ее. – Нам еще отель заканчивать.

* * *

Оуэн не пытался избегать Эйвери. Да у него ничего и не вышло бы со всей этой суетой с завершением ремонта, завозом мебели, уборкой и перекусами. Раньше, при нормальных обстоятельствах, он встречался с Эйвери примерно раз в неделю, а с начала строительства отеля видел ее каждый день. Сейчас, когда работа перешла в заключительную стадию, их с Эйвери пути пересекались постоянно. Тем не менее Оуэн прекрасно понимал – как ни крути, придурком он все-таки не был! – что ни одна из встреч не годилась для того, чтобы объясниться. Его бы постоянно отвлекали, даже если бы удалось найти укромное местечко.

Раз уж не получалось поговорить спокойно, Оуэн решил вести себя так, словно ничего не произошло. Следующие пару дней он, как обычно, общался с Эйвери, возил для нее ящики, заказывал еду в ее ресторане. Она вела себя точно так же, и Оуэн пришел к выводу, что проблема решена.

На сегодня оставалось только одно дело, и Оуэн искренне надеялся, что на этой неделе оно будет последним. Он отнес ящик лампочек в номер «Ник и Нора», намереваясь пройти по законченным помещениям и вкрутить лампы в светильники. И замешкался всего на миг, увидев, как Эйвери украшает стеклянными подвесками напольный светильник.

– Нужно было его собрать, – пояснила она.

– Смотрится неплохо, – похвалил Оуэн.

– Я развешиваю подвески по-своему, так мне больше нравится, чем на схеме. Жюстина сказала, что ей тоже.

Он заметил у кровати уже собранные светильники в виде поставленных друг на друга стеклянных шаров.

– Я сегодня девочка со светильниками, – сказала Эйвери.

Оуэн хотел было пошутить про то, что он – мальчик с лампочками, но передумал. Черт возьми, все действительно странно!

– А я – человек, который вкручивает лампочки, так что: «Да будет свет!» – Он вытащил из коробки лампочку. – Послушай, Эйвери…

– Вы только посмотрите!

В комнату ворвалась Хоуп, все еще в пальто и шарфе. Она держала статуэтку в стиле арт-деко, изображающую мужчину и женщину.

– Правда, прелесть?

– Потрясающе! Ник и Нора Чарльз.

Эйвери подошла поближе, чтобы полюбоваться фигурками.

– Эту статуэтку нам подарили замечательные люди из магазина «Баст».

– Ух, ты! Теперь она мне нравится еще больше!

– Изумительная вещица! – Окинув взглядом комнату, Хоуп водрузила статуэтку на резной каминный портал. – Великолепно. Мне так нравится эта напольная лампа! Приглу-

шенный свет, очень стильно и гламурно. Да, Эйвери, когда закончишь, не зайдешь в номер «Джейн и Рочестер»? Нам нужно твое мнение. Оуэн, мы думаем, куда повесить вышивки твоей бабушки, те, что обрамила Жюстина. Они такие красивые! Твоя бабушка была настоящей мастерицей!

– Будь у нее достаточно ниток, она бы вышила Тадж-Махал в натуральную величину.

– Не сомневаюсь. Мы остановились на двух вышивках поменьше. Эйвери, нам нужен свежий взгляд.

– Конечно. Все, последняя подвеска, слава богу. – Она отступила на шаг и кивнула. – Отлично!

– Тогда пошли. Решим, куда вешать, и на сегодня все.

– Хорошо, а то мне нужно бежать, еще есть дела.

– Приходи ко мне, когда освободишься, – предложила Хоуп. – Родители Клэр забрали детишек, а у Бекетта ужин с клиентом. Мы с ней хотим выпить вина, я что-нибудь приготовлю.

– Договорились. Мне здесь нужно еще пару минут.

Когда Хоуп ушла, Эйвери присела на корточки, чтобы подобрать пустые упаковки, пока Оуэн проверял, горят ли лампы.

– Включенные светильники смотрятся еще лучше, – заметила Эйвери.

– Ага. Послушай, Эйвери… у нас все хорошо?

После секунды звенящего молчания она метнула на него сердитый взгляд.

– Опять это слово?

– Да ладно тебе.

Все еще сидя на корточках, Эйвери уставилась на него из-под изогнутых бровей.

– У меня все хорошо. А у тебя?

– Ну да, просто…

– Похоже, у нас все хорошо. Оуэн, это не первый поцелуй в моей жизни.

– Да, но…

– И даже не первый поцелуй с тобой.

Оуэн взял ящик с лампочками поудобнее, оперев его на другое бедро.

– Это было…

– В общем, никаких проблем.

Оуэн кивнул, хотя в глубине души чувствовал, что это не так.

– Давай сюда мусор. Я выброшу, там его еще много.

– Ладно. – Эйвери пошла к выходу. – Да, кстати, если у тебя есть время, повесь, пожалуйста, вон то зеркало. Хоуп отметила на стене, куда вешать.

– Конечно.

– Хороших выходных, если не увидимся.

– Спасибо, тебе тоже.

Оуэн хмуро посмотрел на картонки, перевел взгляд на зеркало, потом на входную дверь, возле которой уже никого не было.

– Вот дерьмо! – пробормотал он и пошел за дрелью.

* * *

– У нас все хорошо? – передразнила Эйвери, взмахнув бокалом с вином. – Идиот.

Клэр, которая свернулась калачиком на диване в гостиной Хоуп, одарила подругу улыбкой.

– Он просто не знает, что делать.

Эйвери не собиралась уступать и потому только фыркнула.

– Тогда он прекрасно знал, что делать.

– Бекетт тоже смутился и повел себя странно после того, как мы чуть не поцеловались в первый раз. Наверное, это семейная черта братьев Монтгомери.

– Как только вы поцеловались, он перестал смущаться.

– Верно. – Клэр тепло улыбнулась. – Тем не менее, учитывая историю ваших…

– История-шмистория!

– Что за история? – Хоуп вынесла из кухоньки поднос с фруктами и сыром. – Я так и не слышала подробностей. Привидение, которое толкается, горячий поцелуй, смутившийся после него Оуэн…

– Собственно, и все.

– История? Да вы всю жизнь друг друга знаете! Клэр и Бекетт тоже общались долгие годы, прежде чем стали парой.

– Я была с Клинтом, – напомнила Клэр, – а с Бекеттом просто дружила.

– А у вас с Оуэном было нечто большее? – поинтересовалась Хоуп. – Я что-то пропустила?

– Они были помолвлены. – Клэр ухмыльнулась и подняла бокал за Эйвери.

– Неужели?

Темно-карие глаза Хоуп округлились от удивления.

– Когда? Почему я не в курсе? Вот это да!

– Мне тогда было пять, почти шесть. Наши отцы дружили, и мы с Оуэном часто вместе играли. Я в него влюбилась.

– Да, и сделала ему предложение, вернее, объявила, что они поженятся, когда вырастут.

– Как мило!

– Ему было около восьми. Он, наверное, чувствовал себя очень неловко. Впрочем, держался хорошо. Все терпел, – вспомнила Эйвери, почти успокоившись. – Я любила его года два.

– Довольно долго для столь юного возраста, – заметила Хоуп.

– Обычно я сильно привязываюсь. А потом он начал гулять с Кирби Андерсон. – Голос Эйвери стал жестче, взгляд посуровел. – Десятилетняя вертихвостка! Оуэн Монтгомери разбил мне сердце, связавшись с этой пустышкой, ворующей чужих ухажеров.

– Имей в виду: Кирби Андерсон сейчас замужем, воспи-

тывает двоих детей, живет в Арлингтоне и активно борется за сохранение окружающей среды.

– Ну да, она переросла это увлечение. – Эйвери пожала плечами. – Хотя вероятно, что тяга к распутству в ней осталась, просто пока не проявляется. Как бы то ни было, я завязала с мальчишками, пока не стала половозрелой.

– Ты ведь простила Оуэна? – поинтересовалась Хоуп.

– Конечно. К тому же не обязательно, чтобы первая любовь девушки становилась и ее последней, да? – Махнув рукой, Эйвери отрезала ломтик сыра «Гауда» и отправила в рот. – Особенно если парень – придурок.

– Ну-ну, не будь к нему строга. – Клэр потрепала Эйвери по руке. – Возможно, он смущается, не знает, как себя вести. Ты много для него значишь. И для других Монтгомери тоже.

– Угу, – вздохнув, кивнула Эйвери. – Поцелуй был хорош. Оуэн многому научился с тех пор, как ему было восемь. Или я научилась. Наверное, мы оба. Я бы с ним еще поцеловалась.

– Неужели? – спросила Хоуп, откусив яблока.

– Конечно. Я ведь не дура. Насколько мне теперь известно, он великолепно целуется. И выглядит классно.

– Ты бы с ним переспала? – не отставала Хоуп.

– Хм-м, дай подумать. – Эйвери подцепила кисточку кислого зеленого винограда. – Мы сейчас взрослые, ни у меня, ни у него никого нет. Да, возможно, если только мы оба сознательно примем это решение. На Оуэна можно положить-

ся. Очень важно знать, что ты с тем, кому доверяешь.

Она съела виноградину и ухмыльнулась.

– К тому же он хорош собой.

– Слушаю тебя и радуюсь, что я не по этой части, – довольно произнесла Хоуп, усаживаясь с бокалом вина в кресло.

– Долго не продержишься. – Эйвери покачала головой. – Ты красивая, умная… и женщина.

– Меня сейчас не интересуют отношения, и вовсе не из-за козла Джонатана. Сейчас я хочу заниматься только гостиницей, стать лучшей в мире управляющей и сделать это очаровательное место еще прекраснее. Мужчины, свидания, секс? Для меня их не существует!

– Не зарекайся, – предупредила Клэр. – Даже самые мудрые планы могут пойти прахом.

– Вряд ли. Что-что, а планировать я умею.

* * *

Оуэн не выспался, что ему сильно не понравилось. Он всегда хорошо спал и считал хороший сон таким же полезным навыком, как плотницкое дело или сложение в уме многозначных чисел. Однако вместо того, чтобы отключиться после целого дня работы, изнурительной часовой тренировки и расслабляющей горячей ванны, он спал тревожно, время от времени просыпаясь и ворочаясь.

Когда-то он дал себе слово не работать по выходным, но что делать человеку, который вылез из постели еще до рассвета, чем себя занять? Дом был в идеальном порядке. Оуэн всегда следил за чистотой, но из-за хлопот с гостиницей последние две недели приходил домой только переночевать. Даже он не мог найти, к чему сейчас придраться.

Свое жилище он спроектировал вместе с Бекеттом, пару идей подбросили Райдер с матерью, кое-что Оуэн подглядел в доме, который Бекетт уже достраивал. Оуэну нравилось, что семья рядом, хотя заросший лесом участок, где стоял дом, давал возможность жить достаточно уединенно. Еще Оуэну с его деятельной и рациональной натурой пришлась по вкусу большая открытая кухня-столовая, которая легко превращалась в гостиную и зону развлечений, когда кто-нибудь заходил в гости. Прачечная комната слева служила одновременно кладовкой, а в плохую погоду там оставляли грязную обувь и промокшую одежду. Оуэн свято верил в многофункциональность.

Надев только свободные фланелевые штаны, он стоял в дверях просторного патио и пил кофе, смолотый и сваренный элегантной и практичной кофеваркой, которую подарил себе на последний день рождения. Райдер называл ее Хильдой, утверждая, что все блестящее и сложное – непременно женского рода.

Обычно первая чашка крепкого кофе доставляла Оуэну удовольствие и заряжала бодростью на предстоящий день, но

сегодня ничего не могло вывести его из мрачного настроения.

«Эйвери сама странная», – сказал он себе, как говорил несчетное число раз за бессонную ночь. Не хочет странностей, а ведет себя непонятно. Глупо, нужно обо всем забыть. Нельзя, черт возьми, терять еще одну ночь сна.

Оуэн подумал, что не мешало бы позавтракать, но готовить было лень. Нет, обычно он любил готовить, особенно завтраки по выходным, когда можно наесться яичницы с беконом, а потом сидеть и играть на айпаде. Сегодня играть тоже не хотелось, и это было неправильно. Оуэну всегда нравилось пользоваться айпадом.

Тогда он решил все-таки поработать. Попотеть в мастерской над резными досками для камина в Бекеттовой спальне. Может, даже закончить, и тогда Бекетту останется только закрепить облицовку.

Бессмысленно торчать целый день дома, если безделье не радует. К тому же мама тоже рано встает, думал Оуэн, направляясь к лестнице, которую построил вместе с братьями. Мать приготовит завтрак, и, возможно, ему удастся выведать что-нибудь о Эйвери. Конечно, не стоит рассказывать все подробности, они действительно несколько… странные. Одно точно: никто не разбирается в людях лучше, чем Жюстина Монтгомери.

Оуэн зашел в спальню, включил небольшой газовый камин с имитацией поленьев, встроенный в светло-коричне-

вую стену, и отнес кофе в ванную. Приняв душ и побрившись, надел рабочую одежду и ботинки с металлическим носком. Заправил постель – разгладил простыни, застелил сверху белым одеялом, сложил горкой подушки в коричневых наволочках. Закончив с постелью, снял телефон с зарядки и повесил на пояс, взял с подноса на комоде карманный нож, бумажник и мелочь. Достал из ящика комода чистую бандану. Постоял, нахмурившись, сам не зная почему. Потом понял – слишком тихо. Оуэну нравился и дом, и участок, которые он обустроил по своему вкусу, работы тоже хватало, и она приносила удовлетворение, но было слишком тихо.

Нужна собака, сказал он себе. Пора серьезно подумать о том, чтобы завести собаку. Лабрадора-полукровку, как у матери, или преданную дворнягу, как у Райдера. Давно следовало обзавестись собакой, но гостиница отнимала столько времени и сил, что с собакой пришлось подождать.

Лучше всего взять щенка весной – легче приучить его не гадить дома. Или подобрать пса постарше, и если он будет хотя бы наполовину таким смышленым, как Райдеров Тупорылый, то, считай, повезло.

Оуэн достал из шкафа рабочий халат, натянул лыжную шапочку, перчатки, взял с полки у двери ключи. Человеку нужна собака. Только хорошего пса и не хватает в его жизни. Вообще-то можно заглянуть в приют для собак после завтрака с матерью и работы в мастерской.

Удовлетворенно кивнув, он залез в машину. Похоже,

сформировался план, а Оуэн всегда любил планировать. Он тронул грузовичок с места и поехал к шоссе мимо небольшого гаража, который построил для джипа и снегоуборщика. Повернул, потом повернул еще раз на подъездную дорожку, ведущую по холму к дому матери.

Навстречу ему выбежали собаки. Первым бежал Кус – сокращенно от Аттикус – с ошалелыми от радости глазами и помятым мячиком в зубах. Финч с разбегу налетел на брата, и, сцепившись, оба пса кубарем покатились по земле. Оуэн ухмыльнулся. Да, ему определенно не хватает собаки.

Он доехал до конца подъездной дорожки и слегка удивился, заметив возле машины матери грузовичок Вилли Би. Рановато для визита, даже для отца Эйвери. Впрочем, Вилли Би и раньше регулярно навещал Жюстину, а теперь, когда стал одним из самых популярных художников в ее магазине подарков, наверняка заезжает еще чаще – показывает новые работы.

Повезло, решил Оуэн, припарковав машину. Может, удастся выведать у Вилли Би что-нибудь об Эйвери. Он остановился, поднял мячик, который Кус просительно положил к его ногам, и швырнул как можно дальше. Собаки рванули за мячиком, а Оуэн поспешил к задней двери.

Еще футов за десять он услышал громкую музыку и покачал головой. В этом вся мама – она никогда не кричала на сыновей, требуя выключить чертову музыку, а врубала на полную мощность свою.

Оуэн толкнул дверь и улыбнулся, почувствовав запах бекона и кофе. Похоже, он успел вовремя.

А потом перед его взором предстала картина, от которой глаза полезли на лоб.

Бекон скворчал на плите, возле которой стояла мать, а рядом с ней – Вилли Би, высокий, почти двухметровый, в одних белых трусах-боксерах. Он целовал Жюстину в губы, а его ладони сжимали ее зад.

5

Наверное, он издал какой-то звук, который прорвался к парочке сквозь громкую музыку и умопомрачительное объятие. Оуэн искренне надеялся, что сдержал крик. Тем не менее мать – в распахнутом халате поверх пижамных трусов и полупрозрачной (даже слишком!) майке – отступила назад. Мигнула, встретившись взглядом с Оуэном, и рассмеялась.

Она рассмеялась!

У Вилли Би хватило приличия покраснеть так, что его лицо стало почти одного цвета с взъерошенной рыжей шевелюрой и аккуратно подстриженной бородой.

– Что… – выдавил потрясенный до мозга костей Оуэн. – Что вы… Что?!

– Я готовлю завтрак, – весело сказала Жюстина. – Похоже, нужно разбить еще пару яиц.

– Ты… что?.. мама…

– Оуэн, постарайся произнести предложение полностью. Выпей кофе.

Она достала стакан.

– Э-э… Я должен… – Все еще пунцовый от смущения, Вилли Би переминался на огромных ногах. – Надеть штаны.

– Да! – Оуэн непроизвольно всплеснул руками. – Это… штаны… Ради бога!

Проворчав что-то невнятное, Вилли Би улепетнул из кух-

ни как медведь к берлоге.

– *Мама.*

Жюстина взяла щипцы, чтобы снять со сковороды бекон.

– Давай, заканчивай. Я тебе помогу, начну сама. Что…

– Что… – Оуэн с трудом сглотнул колючий комок в горле. – Что вы с ним делали? Здесь. Голые.

Жюстина подняла брови и оглядела себя.

– Я не голая.

– Почти.

Явно сдерживая улыбку, Жюстина запахнула и завязала халат.

– Так лучше?

– Да. Нет. Не знаю. Моя голова. Она взорвалась?

Оуэн провел по голове руками.

Жюстина с невозмутимым видом достала из большого холодильника яйца и молоко.

– Вообще-то я хотела сделать омлет, но, учитывая обстоятельства, нажарю французских гренков. Ты любишь французские гренки. Ты ведь еще не завтракал, да?

– Нет. Мама, я не понимаю.

– Что именно, детка?

– Ничего. Все.

– Хорошо, давай объясню. Когда люди взрослеют, им часто хочется, чтобы рядом кто-то был. Лучше всего, когда люди по-настоящему любят и уважают друг друга. Секс составляет важную часть этой близости, значит…

– Мама! – Оуэн почувствовал, как жар заливает шею, но не знал, какая эмоция была тому причиной. – Прекрати.

– Ага, это ты понимаешь. Мы с Вилли Би любим и уважаем друг друга и время от времени занимаемся сексом.

– Не упоминай себя, Вилли Би и секс в одном предложении!

– Тогда я не смогу ничего объяснить. Значит, смирись, – посоветовала мать и протянула ему кусок бекона.

– Но…

Оуэн взял бекон. Мысли путались, мешая высказаться связно.

– Я любила твоего отца. Очень любила. Мне было всего восемнадцать, когда я устроилась на работу в строительную фирму и в первый же день увидела его. В рваных джинсах и тяжелых ботинках он стоял на стремянке. Без рубашки, только в поясе для инструментов. Бог мой, у меня в глазах потемнело… Том Монтгомери. Мой Томми.

Она достала миску, начала вилкой взбивать яйца и молоко.

– Я даже не смогла притвориться скромницей, когда он позвал меня на свидание. После я ни с кем не встречалась. Да и не хотела. Я любила только его, твоего папу.

– Знаю, мама.

– Мы прожили хорошую жизнь. Он был замечательный человек, сильный, умный, веселый. Прекрасный муж и отец. Мы вместе создали собственное дело, потому что оба этого

хотели. Наш дом, семья – все это заслуга Томми. Его частица живет в вас, проявляется в характере и внешности. У тебя отцовский рот, у Бекетта – глаза, у Райдера – руки. Много еще чего. И я этим дорожу.

– Прости. – Оуэн смотрел на мать, слушал, и его сердце разрывалось на части. – Прости. Не плачь.

– Это слезы благодарности, а не печали. – Жюстина добавила в миску сахар, ваниль, щедро сыпнула корицы. – У нас была замечательная, интересная, полная событий жизнь… а он умер. Вы не знаете – я никогда этого не показывала! – как я злилась из-за того, что он взял и умер. Я злилась на него много недель, даже месяцев. Очень долго. Он не должен был умирать! Мы собирались всегда быть вместе, а его вдруг не стало. Он умер, Оуэн, и я все жизнь буду по нему скучать.

– Я тоже.

Протянув через стол руку, Жюстина погладила ладонь сына, затем повернулась и взяла буханку хлеба.

– Вилли Би любил Томми. Они были как братья.

– Я знаю, мам, знаю.

– Когда Томми умер, мы были нужны друг другу. Мы оба нуждались в человеке, который любил Томми, мог о нем поговорить. Нуждались в ком-то надежным, с кем можно поплакать и посмеяться. Долгое время наши отношения оставались просто дружескими. А потом, пару лет назад, мы… короче говоря, я стала иногда готовить ему завтрак.

– Пару лет?

– Наверное, следовало вам сказать. – Жюстина пожала плечами и опустила ломоть хлеба в яично-молочную смесь. – Мне не хотелось обсуждать свою сексуальную жизнь с взрослыми сыновьями. К тому же Вилли Би очень застенчивый.

– Ты его… любишь?

– Много лет он был моим другом. Ты же знаешь, он хороший человек. И хороший отец – ему пришлось одному воспитывать Эйвери, когда ее мать их бросила. Он очень добрый. Влюблена ли я?

Пропитанный хлеб скворчал на сковородке. Жюстина немного помолчала и продолжила:

– Нам хорошо друг с другом, Оуэн. Нам нравится бывать вместе, когда есть время. У каждого своя собственная жизнь, дом, семья. Нас вполне устраивают нынешние отношения. А теперь, может, я позову его и мы позавтракаем?

– Да, конечно. Наверное, мне лучше уйти.

– Нет уж, сиди. Я наготовила на целую армию.

Жюстина вышла из кухни, встала, уперев руки в бока, и крикнула:

– Вилли Би, ты уже надел штаны? Спускайся, будем завтракать!

Вернувшись на кухню, она перевернула поджаривающийся хлеб, разложила тосты и бекон, поставила тарелки на стол. К тому времени, как пришел Вилли Би, она успела положить на сковороду еще несколько кусков.

– Садись и ешь, – скомандовала Жюстина, – а то остынет.

– Выглядит очень аппетитно, – пробормотал Вилли Би и опустился на табурет рядом с Оуэном.

Жюстина бросила на сына многозначительный взгляд.

– Э-э… как дела, Вилли Би?

– Да вот так…

– Ага.

Не зная, что сказать, Оуэн полил гренки сиропом.

– А… гостиница становится все лучше и лучше, – рискнул заметить Вилли Би. – Настоящее украшение площади. Ваш отец был бы доволен.

– Наверняка. – Оуэн вздохнул. – Женщины расставили там твои работы. Отлично смотрятся.

– О чем еще мечтать художнику?

У плиты Жюстина жарила очередную порцию хлеба и улыбалась, глядя, как двое мужчин пытаются поддержать застольную беседу.

Оуэн вынес испытание. Мысли все еще путались, но он пережил трапезу в компании матери и Вилли Би. А после завтрака пошел в мастерскую. Собаки увязались за ним, причем Кус, как всегда полный надежд, нес мячик.

Оуэн зажег свет, включил радио и отопление, однако, полчаса провозившись, сдался. Мозг словно оцепенел, не стоит браться за тонкую работу. Оуэн потушил свет, выключил радио и отопление, вышел из мастерской. Собаки послушно следовали за ним. Он пнул мячик, чтобы порадовать Куса, и залез в грузовичок.

Направляясь к дому Бекетта, Оуэн решил заняться утомительной, но несложной плотницкой работой. Что-что, а установить деревянную обшивку в пристроенных для сыновей Клэр комнатах у него мозгов хватит.

Оуэн заметил машины братьев и никак не мог решить, радоваться или огорчаться. Что им сказать? И стоит ли? Все-таки сказать надо – по крайней мере, тогда не ему одному придется краснеть и чувствовать себя неловко.

Под стук молотка, жужжание пилы и грохот музыки из Бекеттова айпада Оуэн достал из грузовичка пояс с инструментами и вошел в дом. Стройка двигалась, и весьма неплохо, учитывая, что большую часть времени и сил они с братьями отдавали гостинице. Комнаты пристраивали к незаконченному каркасу дома. Слава богу, хоть крышу успели возвести, при такой-то погоде! Окна выглядят неплохо, решил Оуэн, и вид из них будет отличный. Террасы и патио подождут, но если закончить все остальное к апрелю, то Бекетт и его новая семья смогут переехать сюда сразу после свадьбы.

Оуэн вошел через дверь будущей кухни, наскоро осмотрел первый этаж и только потом поднялся по временной лестнице на второй. По его мнению, дом был слишком большим, но, с другой стороны, и семья не маленькая – пять человек. Просторную хозяйскую спальню с ванной комнатой украшал большой камин, о котором, как признались Бекетту мальчишки, их мать всегда мечтала. Другая ванная соединяла две спальни поменьше. Оуэн вспомнил, что на втором

этаже находятся еще две спальни с общей ванной.

Он пошел на шум, и ему навстречу выбежал Тупорылый. Пес плюхнулся на пол и поднял голову, виляя хвостом.

– У меня ничего нет.

Оуэн развел пустыми руками, потом погладил собаку. Он специально не произнес слов «еда» или «кушать», чтобы Тэ-Эр не тешился пустыми надеждами.

В одной из спален Бекетт что-то пилил, а Райдер устанавливал каркас для стенного шкафа.

– Не звоните мне, не пишете, – шутливо пожаловался Оуэн, стараясь перекрыть шум.

Бекетт с улыбкой выпрямился, поднял защитные очки на лоб.

– Рай только что подъехал. Надо было сразу догадаться, что ты тоже не задержишься. Спасибо.

– Пончики есть? – спросил Райдер, и Тэ-Эр завилял хвостом.

– У меня нет.

– Клэр утром открывает магазин, а днем заберет детей у своих родителей и поедет по делам. Она может по дороге захватить бутербродов, все равно собирается привезти сюда мальчишек – помогать.

– Сочувствую, – вставил Райдер.

Бекетт пожал плечами.

– Папа уже вовсю учил нас работать, когда мы были в их возрасте.

– В то время я был слишком глуп, чтобы ему сочувствовать. Кстати, о времени – ты бы мог его сэкономить, если бы сократил количество комнат. Зачем тебе пять спален? Разве что Клэр не захочет с тобой спать.

– По комнате на ребенка, – посчитал Оуэн, – спальня для взрослых плюс гостевая.

– Для гостей сойдет и раздвижной диван в общей комнате. Или в кабинете.

– Вообще-то, нам нужно пять спален. Мы хотим еще одного ребенка.

Оуэн замер, не успев снять пальто.

– Клэр беременна?

– Еще нет. Как только поженимся, сразу вперед на всех парах.

– От пара дети не рождаются, – заметил Райдер, потом опустил молоток. – Четверо детей? Ты серьезно?

– Подумаешь, одним больше.

Оуэн покачал головой.

– Похоже, количество детей возрастает в геометрической прогрессии. Впрочем, какая разница? Вы отлично управляетесь с тремя, справитесь и с четырьмя.

– Мама с ума сойдет от радости, когда узнает, что еще один внук на подходе.

– Да, раз уж речь зашла о маме. Я заезжал к ней сегодня утром, хотел поработать в мастерской.

– Позавтракать на халяву, – уточнил Райдер.

– И это тоже. Так вот, там был Билли Би.

– Еще один любитель дармовых завтраков.

Бекетт опустил защитные очки, взял пилу.

– Пока не включай, – предупредил Оуэн, не желая, чтобы брат лишился пальца.

Нахмурившись, Бекетт снова снял очки.

– Что-то случилось? У мамы неприятности?

– Нет. Не знаю. У нее-то их нет.

– А у кого есть? – требовательно спросил Райдер.

– Дайте же мне закончить, черт возьми!.. Я зашел на кухню, мама готовила завтрак, и Вилли Би тоже там был. В одних трусах, и они с мамой… ну, вы понимаете.

Райдер отложил молоток.

– Они что? Уточни.

– Они… – Оуэн описал руками круг. – В общем, Вилли Би держал маму за задницу, а на маме был только халат, распахнутый. И я не хочу это обсуждать.

– Говоришь, он ее лапал? – тихо произнес Райдер. – Ладно, Вилли Би, конечно, здоровенный, но уже старый. Я с ним справлюсь.

– Постой! – Бекетт толкнул Райдера на место. – Ты хочешь сказать, что мама и Вилли…

– Вот именно. Уже несколько лет.

– Твою мать! – пробормотал Райдер.

– Не выражайся, когда он говорит о маме и Вилли Би. Не хочу, чтобы это звучало в одном предложении. – Бекетт взял

литровую бутылку колы, которую принес с собой, и глотнул прямо из горлышка. – Так, все делаем глубокий вдох… Значит, ты утверждаешь, что мама… встречается с Вилли Би?

– По ее словам, да… время от времени. Она мне призналась, пока он ходил надевать штаны. Они всегда были друзьями, оба любили папу. Вы же знаете, Вилли Би обожал нашего отца.

– Ага, как же.

– Рай, хватит, – буркнул Бекетт.

– Ладно, черт возьми. Хорошо, признаю, они были неразлейвода. Но если маму это устраивает, почему они с Вилли Би скрытничали?

– Думаю, из соображений скромности, во всяком случае, мне так показалось. Она говорила о том, что чувствовала после смерти отца, и плакала.

– Вот дерьмо!

Райдер подошел к окну, выглянул на улицу.

– Мы знаем, что они с Вилли Би заботятся друг о друге. И когда папа умер, они поддерживали друг друга. Очевидно, через некоторое время они…

– Стали поддерживать друг друга голыми.

– Черт побери, Райдер! – Бекетт прижал пальцы к глазам. – Теперь мне так и видится эта картина!

– Вот, а я ее и в самом деле видел… Нет, мне все равно хочется его как следует стукнуть, хотя бы разок. Из принципа.

– Ей это не понравится, – сказал Оуэн, пожав плечами. –

А он все тот же Вилли Би и позволит себя ударить, если тебе приспичило.

– Пожалуй. Так не пойдет. Надо подумать.

Стиснув зубы, Райдер взял молоток, приложил к стене гвоздь и с размаху ударил.

– Нам всем надо, – сказал Бекетт, надел защитные очки и включил пилу.

Оуэн кивнул и надел пояс с инструментами. Лучше занять себя работой и под запах опилок и стук молотка, забивающего гвозди, пережить странный сегодняшний день.

К тому времени, как приехала Клэр с детьми и едой, братья закончили обшивку на втором этаже и приступили к основному перекрытию.

– А вы быстро работаете! – удивилась Клэр, которая хотела посмотреть, где будет ее собственный домашний офис.

– У нас своя система, – пояснил Бекетт, обняв ее за плечи, пока мальчишки с громким топотом бегали по деревянному настилу.

– Похоже, очень эффективная. Вообще-то мы приехали помочь. А в качестве оплаты я приготовила тушеную говядину. Мужская еда для настоящих мужчин.

– Я согласен, – сказал Оуэн.

– Жаль, я не могу, у меня свидание.

Райдер, не глядя, подбросил кусок бутерброда. Тупорылый поймал подачку прямо в воздухе, как опытный центральный принимающий бейсбольной команды.

– Можешь научить так Кена и Йоду? – спросил Лиам.

– Тэ-Эр умел ловить еду с самого рождения, но попробуем научить и твоих псов.

– Только не в доме, – рассеянно предупредила Клэр, разглядывая чертежи.

Райдер ухмыльнулся мальчугану, отломил еще кусок.

– Давай, потренируйся на Тэ-Эре.

– Тэ-Эр это сокращенно от «Тупорылый», – объявил Мерфи, – но нам нельзя говорить «рыло». Это плохое слово.

– Не всегда.

– Как это?

– Смотри. – Немного подумав, Райдер вытащил из кармашка на поясе для инструментов карандаш, нарисовал что-то на полу. – Это что?

– Свинка. Ты хорошо рисуешь.

– Не, это рыло.

– Мама, Райдер порисовал рыло на полу!

– Нарисовал, – поправила Клэр, бросив на Райдера сердитый взгляд.

– Я люблю рисовать. А мне можно рисовать на полу?

Райдер вручил Мерфи карандаш.

– Вперед, малявка.

Счастливый Мерфи сел на пол и нарисовал прямоугольник, а сверху – треугольник.

– Это будет наш дом, когда мы поженимся.

Лиам приставал к Оуэну.

– Мне нужен еще кусочек, пусть Тэ-Эр поймает.

Оуэн послушно отдал ему остатки бутерброда.

– Ты будешь нашим дядей.

– Да, мне говорили.

– Значит, ты должен купить нам подарки на Рождество.

– Похоже на то.

– У меня есть список.

– Наш человек! И где он?

– Дома, на холодильнике. До Рождества осталось только десять дней.

– Значит, мне нужно срочно заняться делом.

Лиам посмотрел на другой конец комнаты, где Бекетт учил Гарри забивать гвозди.

– Я тоже хочу молоток.

– Ладно, поможешь мне закончить обшивку кладовой.

– А что это такое?

– Место, где твоя мама будет хранить еду.

– Холодильник?

– Не все продукты кладут в холодильник. Как насчет банок с супом?

– Я люблю куриный суп со звездочками.

– Кто его не любит? Давай-ка начнем.

Несмотря на бесконечный поток вопросов, Оуэну понравилось учить парнишку, как измерять, отмечать, держать молоток. Лиам проработал почти час, прежде чем присоединился к Мерфи, который играл на полу с пластиковыми фи-

гурками. А молодчина Клэр без устали что-то приносила, подавала и даже сама забила пару гвоздей, попутно присматривая за детьми.

Оуэну польстило, что после того, как закончили работу, Лиам попросился к нему в грузовичок. Они закрепили на сиденье детское автомобильное кресло, пристегнули Лиама.

– А где твой дом? – поинтересовался мальчуган.

– Чуть дальше по дороге или через лесок, если идти пешком.

– Можно посмотреть?

– Конечно.

Путешествие было недолгим. Оуэн заранее установил перед окном гостиной рождественскую елку, украсил ее гирляндами с автоматическим включателем, и теперь в темноте декабрьской ночи светились яркие огоньки.

– У нас дом больше, – заявил Лиам.

– Ну да, вас тоже больше.

– И ты живешь здесь совсем один?

– Верно.

– Почему?

– Потому что это мой дом.

– Значит, тебе не с кем играть?

Вопрос заставил Оуэна задуматься.

– Выходит, так. Но неподалеку живет Райдер, а когда закончим ваш дом, вы тоже будете жить совсем рядом.

– А мне можно прийти к тебе поиграть?

– Конечно. – Об этом Оуэн тоже раньше не думал. – Приходи.

– Ладно.

Оуэн развернул грузовичок и поехал к дороге.

– Я хочу завести собаку.

– Собаки хорошие, – с умным видом кивнул Лиам. – Их нужно кормить и учить командам. Они отгоняют плохих людей. Однажды в наш дом пришел плохой человек… Собаки тогда были щенками.

Оуэн помедлил с ответом. Он не знал, что именно мальчикам известно о Сэме Фримонте.

– У вас славные собаки.

– Они немного подросли, но все еще маленькие. А когда вырастут, будут охранять от плохих людей. Плохой человек пришел и напугал маму.

– Ничего, сейчас с ней все в порядке, а плохого человека отправили в тюрьму.

– Бекетт пришел и помешал ему. И вы с Райдером тоже.

– Правильно. – Оуэн решил, что раз Лиаму нужно выговориться, тот случай до сих пор его беспокоит. – Мы вам помогли.

– Потому что Бекетт и мама скоро поженятся.

– Не только из-за этого.

– Если плохой человек вернется, когда Бекетта не будет рядом, мы с Гарри станем защищаться, а Мерфи позвонит девять-один-один и Бекетту. Мы договорились.

– Умно придумано.

– А если он попробует вернуться, когда вырастут собаки, они его укусят. – Лиам перевел взгляд на Оуэна. – Схватят за задницу.

Рассмеявшись, Оуэн легонько шлепнул Лиама по голове.

– Чертовски верно.

После ужина, когда Клэр позвала мальчишек наверх купаться, Оуэн пересказал этот разговор Бекетту.

– Схватят за задницу! А парнишка-то соображает! Мы с Клэр обсуждали тот случай с детьми, конечно, в общих чертах, но в школе всякое болтают, вот Гарри и собрал братьев на совет, а потом привел их ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.